

ДВОРЪ

ЦЕСАРЯ ТУРЕЦКАГО

сочиненіе

Ксенза Симона Старовольскаго, ка́нтора Тарновскаго,

такъ называемый

„ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ“,

съ сокращеніями, измѣненіями и дополненіями противу подлинника

на Славянорусское парѣчіе съ Польскаго печатнаго изданія 1649 года сдѣланный въ 1678 году, во время приготовленія къ войнѣ съ Турками, для Царя Өеодора Алексѣевича

ПЕЧАТАЕТСЯ СЪ РУКОПИСИ,

находящейся въ московской синодальной библіотекѣ, за № 539.

Сообщеніе **А. Л.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., 32

1883

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ нашей бывшей Патріаршей, нынѣ Синодальной библіотекѣ, въ числѣ рукописей есть одна, повидимому, какъ-то случайно въ нее попавшая рукопись за № 539-мъ, въ четвертку, писанная на 155 страницахъ крупнымъ почеркомъ второй половины XVII столѣтія. Это переводъ на славяно-русской языкъ польскаго сочиненія ксенза Симона Старовольскаго «Дворъ Цесаря Турецкаго и пребываніе его въ Царьградѣ», напечатанное по-польски въ 1649 году. Кѣмъ и когда сдѣланъ этотъ переводъ, утвердительно неизвѣстно. Полагаютъ, что онъ сдѣланъ въ 1687 году, но въ это время было въ Россіи «двоецарствіе», а межъ тѣмъ переводчикъ, примѣняя заключительныя пожеланія подлинника къ лицу Русскаго Государя, упоминаетъ лишь объ одномъ самодержцѣ, изъ чего мы и заключаемъ, что переводъ этотъ сдѣланъ гораздо ранѣе, а именно въ 1678 г., т. е. въ единодержавіе царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича (1676—1682); сдѣланъ же собственно для него, по случаю приготовленій его къ войнѣ съ турецкимъ цесаремъ въ 1678 году. Полагаемъ, что книга эта переведена для царя кѣмъ-либо изъ учениковъ извѣстнаго Симеона Полоцкаго, всего скорѣе Іеродіакономъ Чудова монастыря и библіотекаремъ онаго О. Ѳеофаномъ, извѣстнымъ знатокомъ польскаго языка.

Прочитывая это сочиненіе, легко усмотрѣть, что русскій переводчикъ зналъ отлично польское нарѣчіе, какъ уроженецъ западнаго края Россіи, часть коей незадолго передъ симъ, (въ царствованіе Алексѣя Михаиловича 1645—1676), поступила въ ея владѣніе, и что переводчикъ, при всемъ желаніи передать содержаніе подлинника «по Русски», не могъ отдѣлаться отъ привычки считать удобопонятными для русскихъ иныя польскія слова*), вошедшія во всеобщее употребленіе въ нашемъ западномъ краѣ, каковы: машъ (имѣешъ), страва (кушанье), шкода (вредъ), ганокъ (крыльцо), и тому подобныя**), и потому оставлялъ ихъ безъ перевода.

Не смотря на то, нашъ переводъ чрезвычайно характеристиченъ. Видно, что переводчикъ старался передать мысли подлинныя на русскомъ разговорномъ языкѣ своего времени, и потому языкъ его перевода во многихъ мѣстахъ весьма напоминаетъ своеобразный языкъ «Проскинитарія» Арсенія Суханова, или языкъ «Странствій» инока Пареенія.

Русскіе, со взятіемъ Константинополя турками и обращеніемъ почти всѣхъ историческихъ святынь его, начиная съ Софіи, въ мечети, въ 1453 году, перестали было вовсе интересоваться Царьградомъ, и это описаніе «двора Цесаря Турецкаго» было вызвано не столько народными, сколько дипломатическими условіями своего времени. Первая военная встрѣча съ

---

*) Русскій переводъ этихъ словъ поставленъ нами въ текстѣ рядомъ съ ними въ скобкахъ.

**) Изъ словъ, сочиненныхъ, такъ сказать, самимъ переводчикомъ, чаще другихъ встрѣчается у него слово „безпеpечь“ (безпрестанно).

турками, и по счастію удачная, заставила еще косныхъ тогда на знакомство съ сосѣдями иновѣрцами русскихъ людей попристальнѣе заглянуть во внутреннее положеніе того гнѣзда, которое свилъ себѣ турецкій цесарь на развалинахъ Византійской Имперіи. Можно сказать, что для перваго знакомства со дворомъ Турецкаго Цесаря, трудъ ксенза Симона Старовольскаго былъ выбранъ весьма удачно.

Для древне-русской письменности переводъ этотъ имѣетъ свое особое значеніе: при указанныхъ недостаткахъ,—(оставленіе безъ перевода многихъ польскихъ словъ),—пусть сравнятъ образный языкъ этого перевода съ длинными и тяжелыми періодами Русскихъ же переводовъ первой четверти XVIII вѣка, и увидятъ, сколь велика эта разница не въ пользу послѣднихъ, а въ пользу нашихъ древнихъ переводовъ на русскій народный разговорный языкъ XVII столѣтія, не «книжно», а «просторѣчіемъ».

А. Л.

ДВОРЪ ЦЕСАРЯ ТУРЕЦКАГО

и

ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО ВЪ ЦАРИГРАДѢ

ГЛАВА I.

О положеніи Царьграда и хоромахъ его, что ни лучшихъ.

Да совершеннѣ опишитце дворъ Цесаря Турецкаго, достоитъ преже описать Царьградъ, въ которомъ онъ всегда стоитъ, отъ тыхъ поръ, какъ Греческую землю завладѣлъ, столицу или престолъ свои тамъ утвердилъ, веселосью мѣста и украшеніемъ хоромъ, выгодою на моря, и, славы многосью, радѣнія Цесарей греческихъ, возбужденъ.

Лежитъ Царьградъ на одномъ камнѣ земли, а море зъ двоихъ сторонъ его обходитъ, имѣетъ по одной странѣ каналъ, спрѣчь источникъ Гелеспонѣтумъ (Геллеспонтомъ) нареченный, которымъ вода изъ моря Чорнаго въ море Бѣлое, Пропонтидисъименованое, великимъ устремленіемъ идетъ, рыбъ имѣетъ въ себѣ множество; по другой странѣ того камня есть однага (заливъ) морская, которая въ землю входитъ, опредѣляетъ градъ Галату отъ Царьграда, на поприщь сколько добрыхъ разлеваючись, подобіемъ рукавицы не-перщатой, остро въ концѣ. А въ тую одногу входитъ рѣка великая съ Траціи (Ѳракіи), именованная Хеатана,— а тамъ древнихъ лѣтъ построена была паперня (бумагодѣльня) славная, отъ Констаптына великаго. Царьградъ есть продолговатъ, а не добрѣ широкъ, лежитъ на седми горахъ, тымъ подобіемъ какъ Римъ старый ве Влошехъ, а тые горы

лежатъ за собою рядомъ, одна за другою, подобіемъ какъ бы коня за конемъ велъ въ длину, черезъ весь градъ.

Першая гора не добрѣ высока, лежитъ на концѣ самаго клину, имѣетъ кругъ себя море, а тамъ построенъ дворъ Цесарскій, въ которомъ всегда живетъ Турскій, по своему зовутъ Шарай (Серай); потомъ другіе горы, лежатъ срединною града, имѣетъ на себѣ многіе предивные хоромы; остальная гора есть въ концы града, отъ полунощной страны, съ пріѣзду отъ Адріанополя; между тое горы и другіе, что подлѣ, въ долинѣ видно приведенье воды склепами, на высокихъ вельми и толстыхъ столбахъ вдоль здѣланными, еще отъ Константина великаго, великою казною и дѣломъ вельми искуснымъ, равняетце преискусному дѣлу древнихъ Римлянъ: (искуснѣ паче иныхъ приведеніи водъ въ самомъ градѣ); приведены чрезъ миль Влоскихъ четырнадесять, (нашихъ 15 верстъ), даже до самаго двора или Сараю Цесарскаго; а тѣ то склепы войнами на многихъ мѣстахъ попорчены были, поправилъ великой казною Солиманъ Цесарь и разпространилъ, дабы больше воды ими проходило, не токмо въ Шарай, но и во весь градъ въ многихъ мѣстахъ. И такъ, съ того одного приведенья воды идетъ въ градѣ шесть сотъ четыредесятъ источниковъ, опричѣ бань торговыхъ, въ которыхъ безперечь (непрестанно) мыютца люди всякаго языка, а платятъ отъ человѣка по пяти аспръ (есть то деньги Турецкіе серебряные, подобіемъ русскихъ копѣекъ), а тые пять аспръ меньши гроша русскаго; и есть тыхъ лазень (бань) въ городѣ двѣстѣ сорокъ, кромѣ что за городомъ мѣста угодные купатца. А то все съ тое воды, что Солиманъ распространилъ. Идучи на послѣдней горѣ, въ концѣ града отъ полунощи, сближаючись къ одногѣ морской или ко источнику текущему, есть древянаго дѣла замокъ или городъ каменный о семи башняхъ, именованный Гедикула, (Едикулъ), тамъ всегда живетъ служилыхъ людей съ женами двѣсти пятьдесятъ человѣкъ и платятъ имъ деньгами,

пмѣетъ всякъ жылье собеное з женою и з дѣтьми; надъ ними начальникъ, Каштялянъ того города, пмѣетъ при себѣ четырехъ Порутчиковъ заводныхъ и женатыхъ, а самъ того города долженъ беречь; что ему невольно за башню выйтить, кромѣ повелѣнія Везиреваго, дважды только въ годъ на свято или праздникъ, котораго всякъ Мохометанъ долженъ быть въ мосхеи, спрѣчь божницы своей на молитву а наипаче у святое Софіи..

Тые седмь башень давно полны бывали всякихъ дорогихъ вещей, и въ нихъ всю казну Цесарскую хоронено: въ одной деньги золотые и пруты золотые литые; въ другой деньги серебряные древніе и великіе, въ третей посуда дорогая, узды конскіе дорогіе и всякое оружье серебромъ и золотомъ обложенное; въ четвертой всякая посуда дорогая древняя золотая, серебряная, хрустальная, бурштынная (янтарная), коральная и многихъ каменій, дѣланная; въ пятой всякое орудіе, что добываютъ городы; въ шестой многіе древніе украшенія: морскіе и дѣланіе (издѣлія) съ кости слоней; а тѣ всѣ вещи привезъ былъ Селимъ Солтанъ, когда Тавризъ великій градъ Персскій взялъ, а въ седмей башни, подлѣ которое есть галлерія великая, ховано (спрятаны) только письма всякіе и орудіе звѣздотеческое нонѣ всего того меньши обрѣтаетца, потому что Селимъ другой Крпту у Венетовъ достаючи, много казны оттоля на служивыхъ роздалъ, и потерялъ не мало на войнѣ съ Христіяны на мори, при Карлѣ пятомъ Цесарѣ Римскомъ, и что ни лутчую казну принесъ въ Шарай свой, гдѣ самъ живетъ, а сынъ его Амуратъ ничего тамъ не прибавилъ, но и послѣдніе, что наилучшія вещи принесъ тамже въ Шарай, и нонѣ тотъ городъ обернутъ на узниковъ, черныхъ и знатныхъ, когда котораго Башу (Пашу) за что посадятъ, или Хрестіанъ на войнѣ, котораго знатнаго человѣка поймаютъ. А тамъ посаженымъ узникомъ вольно ходить по городу, только не вольно имѣть ножа и никакова оружъя;

и недавныхъ лѣтъ сидѣлъ тамъ Гсемени король Ангерскій (Алжирскій), и имѣа при себѣ четырехъ слугъ, и два сына Короля Тутерляпскаго (Тунисскаго), и всякъ имѣлъ собеное жилье.

Всѣ тые башни Гедикулы четверогранные до верха, вмѣсто кровли каменные остро, подобіемъ столбовъ, оловомъ накрыты; воротъ въ томъ городѣ не отпираютъ, только въ другимъ часу дне, а запираютъ за часъ до ночи, въ Пятницу за три часа до солнечнаго захожденія запираютъ, съ полдни за часъ.

Городъ тотъ запасомъ всякимъ изобиленъ, пороховъ, оружія всякаго много безъ мѣры.

Пушекъ самыхъ большихъ тридцать, меньшихъ сто и еще меньшихъ много..Есть тамъ въ середкѣ баня и огородъ Цесарскіи и огородки (сады) малые служивыхъ; на которыхъ сѣютъ себѣ огородное зеліе, и мосхеа, сирѣчь божница, отъ Цесаря утверждена грамотами, что хто въ ней молитца въ Пятницу, получаетъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ, и ни которая божница тое чести или благодати не имѣетъ; тамъ же есть источникъ з земли исходящій изобильной воды и прудецъ малой объ одныхъ жернахъ хлѣбъ мелетъ безперечь, но иная вода тамъ есть приведена древнихъ лѣтъ, такъ искусно, что нихто не вѣдаетъ, откуду вода та приведена.

ГЛАВА II.

О божницахъ или мосхеахъ Турецкихъ.

Больши двохъ тысячь Турецкихъ божницъ въ Цареградѣ; промежъ тѣми есть пять, которымъ грамоты наданы отъ Цесаря и освящены (какъ они вѣрятъ), что всякъ хто въ нихъ молитце во уреченные дни, получаетъ оставленіе грѣховъ, а осемь мосхеи есть лутчихъ, строенія древняго.

Первая есть мосхеа Айа Софіа (св. Софія), древняя церковь христіанская, Константиномъ великимъ казною великою построена, близъ Сараю Цесарскаго, и тамъ погребены сыны Отмановы. Другая мосхеа Солтанъ Баязетъ именованная, того ради, что того имени Цесарь ея построилъ великою казною. Третья Солтанъ Мехметъ, которую построилъ сынъ Солимановъ Мехметъ именемъ. Четвертая Солиманія, лутчая сверху нежели церковь святое Софіи, которую построилъ Солиманъ Цесарь, полъ третья милиона, сирѣчь двадцать кротъ сто тысячь и пятьсотъ тысящь червоныхъ золотыхъ казны на нея выдалъ; въ той то мосхеи много столбовъ мраморныхъ всякихъ красокъ, дѣломъ вельми искусныъ, тутъ же богодѣльня, жилье робятамъ, которые учатце грамотѣ, баня и иное строенье про ихъ поповъ. Пятая Солтанъ Селимъ, которую построилъ Цесарь Селимъ, жалѣючи за грѣхъ свои, что отца своего убилъ, чтобъ самъ царствовалъ тотъ; Цесарь за седмь лѣтъ подбилъ (покорилъ) Египетъ, Сирію и землю святую, и часть Царства Перскаго, и присугубивъ много доходовъ въ казну свою половину того, какъ прежніе Цесари имѣли. Шестая божница между лутчими, Солтанъ Мехметъ, которую построилъ Цесарь Мехметъ, тотъ что Царьградъ взялъ. Седьмая, реченная Морадъ, которую построилъ Амуратъ на томъ мѣстѣ, идеже преже была церковь Патриаршая; осмая Солтанъ Амуратъ, которую того имени Цесарь построилъ, подобіемъ и великостью Мосхеи Солимановой, кругомъ строенія много, но не такова, что Солиманова, понѣже онъ въ свою мраморы возилъ со Александріи, Сиріи и Месопотаміи.

Святое Софіи церковь, которую Турки на свою богомерскую божницу оборотили, всѣ иные строеніемъ богатымъ превосходитъ; строена та церковь на шесть угловъ, четыре стѣны большіе, а двѣ меньшіе съ различныхъ мраморовъ искусно сдѣланы. Папертн такихъ же мраморовъ, кругомъ осмъ дверей, а въ церковь самую только четыри двери большіе, и тѣми съ четырехъ сторонъ входятъ противу себя на крестъ,

а въ серодкѣ связь на шестнадцати столбахъ. Покрыто всё оловомъ, тые столбы, на которыхъ стоитъ вышшіе и меньшіе съ камени тесаные, чотыре порфиру червоннаго, четыре серпентаріе, сирѣчь подобіемъ ужа, но толстшіе паче иныхъ, четыре мрамору бѣлаго, имѣючаго черную пестредь, верхи имѣютъ вельми искуснаго древа древняго; тамъ промежъ рѣзью были иконы рѣзные многихъ святыхъ Божіихъ снибцерскою (столярною) хитростью дѣланные, но Турчинъ велѣлъ ихъ поснимать; на тыхъ столбахъ подъ сводомъ, кругомъ меньшіе двадцать четыре столбы, которые держатъ всѣ своды на себѣ, однѣ четверогранные, иные круглые всякихъ красокъ; еще на тѣхъ столбахъ третій рядъ столбовъ мраморныхъ меньшыхъ отъ тѣхъ среднихъ, а на нихъ верхъ или своды, а около тѣхъ же среднихъ столбовъ еще иные двадцать четыре столбы, широкостью церкви удержаютъ, и на нихъ своды къ стѣнамъ церковнымъ приведены, стѣны различными мраморы утверждены или украшены, и вельми искусною хитростью, по стѣнамъ различные цвѣты рѣзаны. Такожде и паперти кругомъ древнею хитростію дѣланы, а помостъ въ церкви и въ папертяхъ вельми искусною хитростію дѣланъ, а много того помосту велѣлъ Махометъ, который Царьградъ взялъ, выбрать изъ церкве и велѣлъ мѣсто того подѣлать съ каменя алябастру бѣлою. Есть въ самой церкви икона Пресвятой Богородицы дѣломъ вельми искуснымъ, кругомъ цвѣты подѣланы Греческаго письма, которую Турки держатъ Богъ вѣсть чего ради, и вельми почитаютъ; кругомъ заслоны или завѣсы на четырехъ столбикахъ деревянныхъ, но кто хочетъ ея видѣть, взышовши повыше на хоры, какъ надобно икону видитъ, и знатно что есть чудотворна, лице всякое чести достойное. Имѣетъ подъ церковью много склеповъ, а тамъ Християня имѣли много олтарей святыхъ Божіихъ, и тамъ погребались, а то все дѣло греческое и ничево Турчинъ не испортилъ, а сказываютъ что тамъ много мощей святыхъ, которыхъ не достоитъ никому касатись, чого ради,

да нихто тамъ не входитъ, велѣлъ Цесарь всѣ двери позкрѣплять, взялъ оттолѣ восмь кувшиновъ масла нѣкакова, вельми древняго, которое въ тыхъ кувшинахъ желѣзными крышками покрыто стояло запечатано; на одномъ было написано, что Константинъ великій поставилъ, а на другомъ написано, что отъ двухсотъ лѣтъ стоитъ, масло тое было какъ молоко, а жирное на подобіе масла деревянаго, и отлившы Цесарь себѣ того масла, велѣлъ поставить тамъ, гдѣ оно стояло; а въ томъ склепѣ входъ чрезъ двери желѣзные, а съ тыхъ склеповъ подъ землею идутъ далече преходы тайные подъ городъ, а на входѣ каждаго склепа лежитъ одно тѣло въ гробѣ мраморномъ, а какъ паче два склепы подъ Шарай Цесарскій къ морю, а другой идетъ средѣ города къ стѣнѣ городовой, и есть къ нему ворота з города, и тамъ лѣтомъ тые, что всякіе матеріи шолковые дѣлаютъ, снуютъ шолки своѣ, понеже пространенъ есть и видно въ немъ; а платятъ за то во всякъ годъ двѣстѣ червонныхъ золотыхъ Цесарю.

Хоромы, которые около тое церкви на священниковъ были, всѣ Цесарь велѣлъ развалять, кромѣ мало хоромъ старыхъ, что нонѣ въ нихъ живутъ ихъ иноки махометанскіе, и тые, которые служатъ въ божницахъ, а что тамъ была крестильница вельми стройная шестигранная, и тое Турчынъ въ Шарай перевёсъ.

Мосхеа Солиманова вельми искусною хитростію сдѣлана, имѣетъ въ себѣ много столбовъ мраморныхъ удивительныхъ, которые онъ издали великою казною возилъ; верхъ на ней великій, двѣ паперти, кругомъ вельми стройные, а на меньшой кровлѣ тридцать два верха, а на всякомъ углѣ божницы по четыре башни двѣнадцать-гранныхъ з мрамору бѣлаго дѣланные; з тыхъ башень по обыкности своей скамкаютъ (сзываютъ) ихъ попы людей въ божницу на молитву, понеже оны колоколовъ не имѣютъ, по закону Махометову, а когда имѣютъ праздникъ годовой, то съ тыхъ башень перетягуютъ веревки и вѣшаютъ лампады зажженные; дѣлаючи на нихъ мѣсяцъ,

солнце, звѣзды, кони и иные вещи удивленія достойные, которыа на всю ночь святятца, и есть чему подивитце, а то такъ строютъ чрезъ осмъ дніи.

ГЛАВА III.

О церквахъ Христіянскихъ.

Есть въ Царьградѣ церквей Христіанскихъ, аще Христіаниъ Турки и ненавидятъ отнюдь. На перво Греки имѣютъ церквей своихъ около сорока въ самомъ городѣ, Арменскіе четыре костелы, а римскіе два: одинъ святаго Николае з богадѣльнею, а другій Пресвятыя Богородицы; тѣ оба костелы на одной улицѣ, которую Турки зовутъ каѳа нагалія; а въ томъ костелѣ есть икона Пресвятой Богородицы съ младенцемъ на дскѣ деревянной, подобіемъ иконы тое, что въ Римѣ «дель конъ фалоне», художествомъ древнимъ, вельми честенъ, возбуждающій человѣка къ сокрушенію, и тое икону Влохи зовутъ: мадона ди Константинополи.

Недалече есть градъ Пера, Турки зовутъ Галата, тамъ больши живутъ торговые люди Христіяне, а наипаче Венеты, а посолъ Венецкой, котораго они зовутъ Байло, стоитъ между винными погребами того города Перу, такожде и посолъ Французскіи, и иныхъ Королей Христіанскихъ, ради добраго воздуха, кромѣ посла Цесаря Христіанскаго, которой недолго живетъ у Порты, какъ и иные, но какъ пріѣдетъ, то становитце въ самомъ Цареградѣ. И имѣютъ жиды тридцать и осмь божницъ своихъ въ Цареградѣ на девяти мѣстахъ опричныхъ, обаче Греки Церкви свои имѣютъ во всѣмъ градѣ, а наипаче въ серодки града, многіе народы осѣли собены улицы; а Цыгане одинъ уголъ сами осѣли, которыхъ великое есть множество съ дѣтьми и женами ихъ.

ГЛАВА IV.

О стѣнѣ града, башняхъ, торгахъ и лавкахъ купецкихъ.

Царьградъ имѣетъ около себя стѣну каменную старую, еще при созиданіи отъ Константина Цесаря, подобіемъ стѣнамъ Римскимъ, съ башнями четверогранными; тое стѣны, кромѣ Шараю великаго, есть кругомъ миль Влоскихъ четырнадцать (15 русскихъ верстъ), а Польскихъ миль три; а кругомъ Шараю Цесарскаго море оба полъ, а лежитъ клиномъ на три четверти мили польскія, а третя сторона отъ города, двѣ мили Влоскихъ. И всего города и съ Сараемъ есть кругомъ миль Польскихъ четыре добрыхъ, нашихъ двадцать верстъ. Воротъ, которыми въ городъ ѣздятъ есть двѣнадцать: четыре отъ поля, спрѣчь пріѣзду отъ Польши; но токмо двѣ стройные, однѣ, которыми ѣздятъ съ Адріанополя, другіе ворота, что ѣздятъ з города Бургу (Бургіи), а тамъ сказываютъ лежитъ тѣло или кости Іова праведнаго, а отъ поля, около города двѣ стѣны каменныя одна вышшая, а другая низшая; отъ моря же одна стѣна; кромѣ воротъ названныхъ Айкапезы (Ай-капуси), спрѣчь воротъ святыхъ, понеже при владѣніи Цесарей Греческихъ на тѣхъ воротахъ была церковь, идѣже много мощей святыхъ Божіихъ опочивало всегда, множество народа сходилось Богу молитца, а нонѣ з тое церкви здѣлана мосхея, того ради, что тѣми вороты Турокъ въ городъ въѣхалъ, стѣны старые съ пушокъ разбивши; Христіане, которые изъ города боронилися, поставили было въ одну ночь стѣны тое на милю Влоскую, обаче Турки съ иное стороны въ городъ увошли, а Христіане стревожившися отбѣгли, когда увидѣли непріятелей въ городѣ, за собою, а та стѣна и до нынѣ стоитъ предъ тѣми вороты.

По другую сторону города отъ источника великаго противу Натоліи (Анатоліи) или Азіи меньшей (малой) есть вороты шестеры; пятеры въ городъ, а шестые къ конюш-

нямъ Цесарскимъ, что въ Сараи. А по третію сторону города, отъ Галаты, которая за одногою (заливомъ) морскою лежитъ, есть семеры вороты старыхъ, а двое новыхъ.

Торговъ въ Царьградѣ есть много, а наипаче предъ мосхеами; а самыхъ большихъ четыре. Першый, который изстари зовутъ Петромо (Подроміе—Гипподромъ), тутъ поставленъ столбъ четверогранный, съ одного каменя здѣланъ; два столба тамъ же меньшихъ, съ исподи поддѣланы кирпичемъ, а сами мраморные; на тѣхъ столбахъ при Константинѣ великомъ въ праздники Господцкіе втыкано на самыхъ верхахъ знамена. Въ томъ же торгу три ужы покручены, головы съ розевлеными губами къ верху, сдѣланы изъ мѣди весьма искусно; а одному тыхъ ужовъ полгубы оттялъ самъ Махометъ Цесарь, который взялъ Царьградъ, мнячи, что то было дѣло чародитвенное, чтобъ турки чаровать, а тые столбы ужовые вышиною больше тридцати локоть отъ земли. Около того торгу есть шараи или дворы Цесарскіе, и Цесарь самъ, когда тѣшитце, то на томъ торгѣ выѣздитъ, и того ради тамъ никто не входитъ, и ворота со всѣхъ улицъ заперты; другой торгъ есть предъ мосхео Султанъ Баязетъ; а тамъ всѣ шуты скачутъ, поютъ, и хто, что умѣетъ оказаютца. Третій торгъ есть лутчій передъ мосхео Солтанъ Солиманъ. А четвертый въ долинѣ между семи горъ небольшихъ; тамъ кони учатъ и скачутъ на нихъ, пытаясь, которой лутче побѣжитъ. По всякой день торгуютъ на которомъ нибудь меньшомъ торгу; а въ Пятницу на всѣхъ трехъ большихъ торгахъ, а четвертый всегда запертъ невѣдомо за какую ихъ тайну поганскую, а самые большіе торги живутъ въ Среду, въ Четвертокъ и въ Пятницы, и тые торги зовутъ Схибазаръ, сирѣчь торгъ древнихъ вещей, а есть тамъ лавокъ зъ старыми дорогими вещами, больше нежели двѣ тысящы, а отъ всякой вещи, которую лавочникъ продаетъ, даетъ пошлину на Цесаря, и того сходитъ въ годъ седмь тысящь червонныхъ. Лавокъ, торговыхъ людей и мастерскихъ большы сорока и осми ты-

сячей, а всякаго мастерства собеные ряды, кромѣ серебрениковъ и гіоеллеровъ, что всякіе штуки золотые дѣлаютъ и торговыхъ людей со всякими матеріями шолковыми, и сукна, что ни лутчые, и тѣ только въ одномъ мѣстѣ торгуютъ. Такжe есть два мѣста Байстанъ (Безистанъ), стѣна каменная кругомъ, толста на двѣ сажени, а верхъ закрытъ, по четверы воротъ большихъ для входу, а одно мѣсто есть большое; своды тамъ на двадцат четырехъ столбахъ съ камени тесаныхъ, четверогранныхъ, вельми толстыхъ, а другое мѣсто меньшое, своды его на шестнадцати столбахъ; тамъ въ серодкѣ лавки при стѣнѣ; съ тыхъ лавокъ, что въ серодкѣ за всякой годъ платятъ по пяти сотъ червоныхъ золотыхъ, а съ тыхъ, что на дворѣ по сто червонныхъ со всякое, а то только въ большомъ Байстанѣ, а въ меньшомъ только холсты и баволницы (бумажныя матеріи) продаютъ, а вороты также четверы, а кругомъ на дворѣ продаютъ невольниковъ всякихъ народовъ, которые пріучены къ какому дѣлу опричь стоятъ, а которые недавно пойманы тѣ тожъ опричь, да опрично-же продаютъ женщинъ, которые младенцовъ кормятъ (кормилицъ), иные женщины тоже опричь; а пошлины съ тыхъ невольниковъ шестнадцать тысячь червонныхъ на всякъ годъ приходитъ.

ГЛАВА V.

О пошлинахъ и податехъ градскихъ.

Понеже въ прошлой главѣ воспомянухомъ пошлину невольниковъ и отъ продажи старыхъ вещей, такожде пошлину отъ лавокъ, что въ Байстанѣ, за вещь достойную судихомъ воспомянути и иные подати и пошлины отъ художниковъ всякихъ, поелику отъ закупщиковъ, которые тые пошлины въ годъ покупаютъ, увѣритись возмогохомъ. Напередъ положимъ домы шинковные, въ которыхъ про Христіанъ вино про-

дают, и про Турковъ сокровенно искусно, понеже имъ по закону ихъ вина пить невольно, и если котораго доведутъ то бы былъ вельми битъ и вину бь на немъ взято; а тыхъ то шинковныхъ домовъ полторы тысячи по переписи, и съ нихъ приходитъ по всякъ годъ карпковъ (кошельковъ)*) тридцать шесть и того будетъ больши пятидесяти тысячь червонныхъ. Рыбы продаютъ въ десяти мѣстахъ, а наиболѣ на одногѣ морской, противъ Галаты; и даютъ отъ того на всякъ годъ пошлины двадцат девять тысячь червонныхъ. Есть тамъ одно мѣсто, на которомъ продаютъ овесъ, ячмень для коней, и всякую огородину (овощь); зато платятъ на всякъ годъ двадцат три тысячи червонныхъ. Пошлина отъ кореня и товаровъ, которые въ городъ входятъ и по малымъ городкамъ, начавши отъ Галиполя, даже до Чернаго моря, которые зъ суденъ морскихъ выкладаютъ, и мулами или верблюдами привозятъ, въ свое время въ городъ привозятъ; отъ того пошлины на всякъ годъ идетъ двѣстѣ восемьдесятъ пять тысячь червонныхъ. Мясной рядъ, въ которомъ всякой малой и большой скотъ бываетъ, а оттолѣ возятъ мясо въ городъ, въ девятеромъ мѣстѣ продаютъ; съ тыхъ на всякъ годъ даютъ пошлины сорокъ двѣ тысячи червонныхъ, а наибольше пошлинъ идетъ въ Октябрѣ и въ Ноябрѣ мѣсяцехъ, понеже въ тѣхъ мѣсяцехъ съ Угоръ (изъ Венгріи), съ Волохъ и странъ Словенскихъ множество всякаго скота пригонятъ, и въ тѣ поры всякаго чину люди во весь годъ запасъ себѣ приспѣваютъ, презъ (въ теченіи) двадцат четыре дни. Понеже вольно всякому тогда купить, и въ тѣ поры не вольно месникомъ ничево купить, покаместь народъ себѣ довольно купитъ всякаго скота. И въ тѣ поры не платятъ пошлинъ дорогихъ, а за малое то время купятъ двадцат тысячь воловъ, сорокъ пять тысячь барановъ. А есть тамъ пошлина или

---

*) Кійждо карпкъ угоняетъ червонныхъ золотыхъ 1633.

подать на Цесаря, когда хто продастъ домъ, ниву, огородъ о полчетверты мили отъ Царяграда, до коихъ мѣстъ поля городскіе идутъ. Тамъ же берутъ пошлину, когда хто продастъ окрентъ (корабль) или иное которое судно малое или великое, долженъ дать на Цесаря отъ десяти рублевъ двѣ гривны; тотъ хто деньги беретъ и барышники отъ своихъ заработковъ даютъ половину на Цесаря, а ихъ тамъ не поятъ какъ у насъ, платятъ имъ деньгами, а сходитъ въ годъ пошлины съ такой продажи двадцать двѣ тысячи червонныхъ золотыхъ въ годъ. Есть еще пошлина отъ людей, которые моремъ выѣздятъ изъ города, и невольно ни единому статку (судну) отъ берега отпуститце, покамѣсть не пересмотрятъ и увидстъ, хто, гдѣ и куда и что везетъ. Аще ли Турчынъ, то отъ всякаго человѣка дасть по аспрѣ, а естьли христіянинъ или жидъ, то съ головы по двѣ аспръ. А наипаче тамъ досмотряютъ, чтобъ хто узника или невольника котораго не увезъ, или должника; а съ того пошлины идетъ въ годъ шесть тысячь четыреста двѣнадцать червонныхъ; поголовное жидовское, которое Турки харабъ (харачь) зовутъ въ годъ много учинитъ, понеже ихъ тамъ множество великое; отдаютъ отъ всякаго мущины въ годъ по червонному, окромѣ трехъ сотъ жидовъ, которые на службѣ Цесарской найдуютце; и тѣ не даютъ; а кромѣ поголовнаго жиды въ Царьградѣ платятъ на всякъ годъ три тысячи червонныхъ, чтобъ имъ вольно молитце въ своихъ божницахъ, и по всякъ годъ отдаючи деньги, берутъ подтвержденіе своего Раби (равви), который есть старшимъ надъ всѣми ихъ божницами, или Патріархъ ихъ. А чтобъ имъ вольно въ одномъ мѣстѣ на поли хоронить мертвецовъ, даютъ въ годъ тысяча двѣстѣ червонныхъ. Греки, которые въ городѣ Галатѣ, и въ Тотарѣ (Татавля), три мили отъ Царьграда, и по загороднымъ дворамъ недалеко живутъ, откупаючи поголовное по червонному отъ мущины, даютъ на всякъ годъ по тридцать осмь тысяць червонныхъ золотыхъ, а особно двадцать пять тысячь червонныхъ отъ

Церкви и Патріарха; а чтобъ вольно погребатце при церквахъ даютъ тысячу червонныхъ. Есть тамъ пошлины дѣвичые отъ Махомета уставлены: дабы всякая дѣвица, когда идетъ за мужъ, дала отъ себя четыре гривны, буде Туркиня, а будетъ Христіанка или жидовка, то червонный золотой; и на то собенный приказъ, что въ немъ записуютъ всякой бракъ. Армянскіе дочери въ Царьградѣ тыхъ пошлинъ не платятъ, но индѣ по всей области его платятъ. Римляне, которые на Галатѣ или въ самомъ Царьградѣ домы и жены имѣютъ, даютъ по всякъ годъ по червоному золотому отъ головы, обаче многіе не даютъ, именуючись быть слугами посла Венеціанскаго или иныхъ пословъ, королей Христіанскихъ, которые тамъ безперечь живутъ. Цыгане отъ себя и отъ жонъ своихъ з головы по всякъ годъ даютъ по два червонныхъ, и ни скитаютце нигдѣ, въ домахъ сидятъ, мастерствомъ и торгами кормятце. Имѣютъ надъ собою начальникы, которые окупились или отпущены, и поженясь въ Царьградѣ живутъ, отъ себя никакихъ податей не даютъ, и что себѣ купуютъ вѣдомое, только хто чѣмъ промышляетъ, отъ товаровъ платятъ. Такожде отъ всякихъ податей свобожены: Христіяне Рагузенчики (Рагузцы), и Ахбапчики (Албанцы). Да есть же въ Царьградѣ большіе трехсотъ дворовъ, въ которыхъ становятце, когда хто пріѣдетъ, а зовутъ по Турецки Карабакары (каны). А станетъ въ одномъ, колько сотъ человѣкъ съ коньми и возами; а въ тѣхъ карабакарахъ всякіе торги бываютъ, и всякіе напитки и ѣству продаютъ. А что пошлинъ оттеля сходитъ, то все идетъ на мосхеи, ихъ попомъ и послушникомъ. А какъ при древнихъ Цесаряхъ Греческихъ, а наипаче при Цесарѣ великомъ Иракліи, когда Царьградъ былъ въ совершенной цѣлости, имѣючи въ себѣ седмь милліоновъ душъ сирѣчь семьдесятъ кротъ сто тысящей, по свидѣтельству Греческихъ писарей, з города самого приходило на всякъ день въ казну двадцать четыре тысящь червонныхъ золотыхъ, такъ и нонѣ, войнами многими и мучительствомъ поганскимъ

опустошеное, показуетъ по себѣ древнюю красоту, и множествомъ людей и хоромъ стройностію, и множествомъ подати, понеже считаючи пошлины и всякіе подати, сходитъ въ годъ изъ самаго города шесть милліоновъ Польскихъ гривенъ, Русскихъ будетъ шестьдесятъ кротъ сто тысячь гривенъ.

ГЛАВА VI.

О хоромахъ и тѣхъ мѣстахъ съ которыхъ никакихъ податей не идетъ.

Кромѣ церквей Христіанскихъ и божницъ Турецкихъ, подлѣ которыхъ есть богадѣльни и Школы и жилье ихъ попомъ Магометанскимъ, а есть особно осьмдесятъ богадѣленъ великихъ и изобильны во всемъ, но не такъ какъ тѣ, что при мосхеахъ, и хоромы лучшіе и проходы богатные и всякимъ строеніемъ украшены, а всѣхъ тѣхъ числомъ девять. Есть тамъ въ самомъ Цареградѣ сто двадцать тысящь училищь, въ которыхъ живутъ ученики, реченные софа (софты), а тѣмъ всякому собенный чуланъ, двѣ шафы (два шкафа), коверъ, двѣ пары платья въ годъ; четыре булки хлѣба на день, блюдцо варенаго зелія; свѣча на ночь; а учитель ихъ всѣхъ одинъ учитъ, а иные учителя временемъ всякъ свое ученіе подастъ, а всѣмъ тѣмъ учителемъ платятъ съ приходовъ, которые идутъ на училище. Ученикомъ, всякому, когда который годъ въ одномъ училищи, не преходя выживетъ, то первое на день по аспрѣ, на другой годъ, по двѣ на день, на третій годъ по три аспры на день, и по всякъ годъ больши причисляютъ, покамѣсть всею алкорану научитце, а тѣжъ то софы заробляютъ себѣ, которые не лѣнивые, пишутъ книги (понеже у Турковъ печатныхъ книгъ нѣтъ), и ходятъ дѣтей учить въ домы богатыхъ людей. А свойственно тѣ то ихъ философы великіе безчинники бываютъ, но

не въ Царьградѣ, понеже здѣ боятце Цесаря и его Янычаръ, а въ Караманіи и Натоліи, великую имѣютъ вольность, и никто ихъ, хотя за наибольшую вину не караетъ, прежде даже ректоръ ихъ, сирѣчь старшый, велитъ съ книгъ выписать, и подаетъ на судъ мирскій. Султанъ Амуратъ хотѣлъ одного времени вѣдать, много бы въ его Царствѣ тыхъ то софовъ было, и велѣлъ ихъ было всюды списать въ книги, но таковое намѣреніе его помѣшала война съ Персами, а въ самой только Греціи, Караманіи, и Натоліи, кромѣ Египту, Сиріи и Аравіи, гдѣ ихъ безмѣрно много, ужь было ихъ насчитано девять десятъ тысячь слишкомъ, а съ тыхъ то софовъ или мудрецовъ есть въ Цареградѣ больши нежели дватцать казнодѣевъ, или проповѣдниковъ, которые учатъ въ мосхеахъ, а зовутъ ихъ Сехе, сирѣчь старый, и вельми ихъ почитаютъ за ихъ святобливость (благочестіе), а всякъ съ нихъ есть начальникъ надъ однѣмъ закономъ, надъ монастыремъ, а тѣ ихъ иноки не имѣютъ жонъ, кромѣ того, который есть начальникомъ надъ ними, а только дѣла ихъ, что по вся пятницы, въ честнѣйшихъ мосхеахъ учатъ людей; а въ тѣхъ мосхеахъ, гдѣ самъ Цесарь бываетъ по вся дни, тѣ то ихъ учители чтутъ поученіе черезъ два часа и больши; а учитель поученіе чтетъ сидя, имѣетъ предъ собою книгу большую растворенную, и тое мало прочтше, толкуетъ имъ; а когда тотъ ихъ учитель или казнодѣя умретъ, то на ево гробѣ палатку каменую здѣлаютъ, а дверь къ ней зъ мосхеи, сирѣчь зъ божницы пустятъ, и замыкаютъ желѣзною рѣшеткою, чтобъ тамъ нихто не ходилъ, занеже имѣютъ его, аки свята мужа, и честь гробу его воздаютъ. Есть промежду и иными хоромами три двора большые, подобіемъ шараю; одинъ зовутъ с е р а с е к а, а тутъ робятъ (дѣлаютъ) сѣдлы, узда, стремена, и всякую иную снасть, что прислушаетъ къ воинскому коню; а есть тамъ мастерскихъ людей больши четырехъ тысящей, и тѣ тамъ з жонами и з дѣтьми безпречь живутъ; ограденъ дворъ тотъ каменною стѣною высоко,

а въ серодки двора того есть мосхеа и источникъ воды чистое, ворота къ нему двои, которыми тамъ входятъ и выходятъ. А въ другихъ двухъ дворахъ янычаре живутъ: одинъ зовутъ есхи-доляръ, си есть старые хоромы, другой Гени-одоляръ, новые хоромы, а тотъ то новый шарай въ двое больши стараго, четверогранно сдѣланъ, продолженъ въ длину, каменный, имѣетъ внутрь много жилья кругомъ, а во всякой избѣ живетъ одинъ Капитанъ, котораго зовутъ Айбакы, сирѣчь вождь славныи; а есть такихъ вождовъ сто пятьдесятъ всѣхъ, а всякъ имѣетъ подъ своею властію двѣсти яничаръ, которые повинуетце ему, аки самому Цесарю, а не одинъ безъ указу начальника своего не выйдетъ зъ двора того, а когда на ночь запираютъ тые дворы, то ключи относятъ большому Капитану, а отпирать, такъ имѣетъ четырехъ поручниковъ, а зовутъ ихъ своимъ языкомъ боляхи-баки.

ГЛАВА VII.

О судѣхъ и справедливости Турецкой.

Мню, яко во всемъ его Царствѣ Турецкомъ тымъ же порядкомъ суды и росправа идетъ, и правда, какъ въ Цареградѣ, аще иные грады меньшіе, и иные же грады збольшіе Царяграда обрѣтаютце, яко онѣ и сами истинствуютъ. Въ Цареградѣ есть четыре судіи, въ четырехъ частехъ града живутъ, скорѣйшее ради росправы между народомъ, а зовутъ онѣ (ихъ) по своему Кады, а въ середки града живетъ судья большой, Кади бойвихъ, сирѣчь великій судья, а понеже, такоже есть и въ Алепѣ, въ Каирѣ, въ Дамаску и во Александріи, и во иныхъ большихъ городехъ и того ради, того великаго Цареградцкаго судію зовутъ Естамбулъ-кады, сирѣчь Цареградскій судія, а онъ на смерть

судитъ, и всякіе дѣла дѣлаетъ и вершитъ, и тые четыре судіи не осудятъ никого на смерть безъ его докладу; а о всякихъ иныхъ градскихъ дѣлехъ его докладуютце. Есть еще великіи судія зовутъ его Сей басси, тотъ по всякъ день ходитъ по тюрьмамъ грацкимъ, и тамъ судитъ и докладуетъ Везиру по всякъ вечеръ, сказуючы ему за што, которой узникъ посажденъ; тотъ имѣетъ четырехъ поручниковъ, а всякой поручникъ имѣетъ по сороку человѣкъ, съ которыми всякъ обходитъ свою часть стѣны градскія, смотря, нѣтъ-ли какого воровства и разбою по ночамъ. Тотъ старинный дворъ вельми укрѣпленъ, а раздѣленъ на двое, имѣетъ воду, приведенную въ двоемъ мѣстѣ; а гдѣ узники за грацкіе дѣла или за долги, или за озорничьство на смерть сидятъ, тые избы вельми укрѣплены, а которые сидятъ на смерть, то тѣхъ мостъ ниже земли, а которые за долги, тѣ выше, а опричe сидятъ Христіане, опричe жиды, опричe Турки. А будетъ ихъ тамъ всегда больши двохъ тысячь; милостыню тамъ даютъ Турки великую, наипаче кормомъ такъ изобильно надѣляютъ, что самъ Цесарь посылаетъ провѣдывать много-ли тамъ ихъ сидятъ за долги, и который сидитъ за долгъ меньши ста ефимковъ, то всякаго зъ свое казны велитъ окупать, а если который человѣкъ былъ именитый воинской, то хотя бы и за сколько тысячь посаженъ былъ, велитъ его Цесарь выкупить своею казною. Судіи ихъ егда судятъ всякіе дѣла то не требуютъ стряпчихъ, всякой истецъ самъ свою жалобу сказываетъ, и никакихъ дѣлъ тамъ не пишутъ и приставныхъ памятей не даютъ, только слугу позываютъ по отвѣтчика, а судитъ при многихъ людехъ, какъ онъ самъ вѣсть лучще, а будетъ кто достоинъ смиренію, то абіе при кади, какъ онъ достоинъ, смиряютъ его.

ГЛАВА VIII.

О палатахъ или Шараю Цесаря Турецкаго.

Три Шараи или палаты свое имѣетъ Цесарь Турецкій въ Цареградѣ. Однѣ зовутъ великіе, въ которыхъ онъ безпеpечь живетъ, реченные Боюхъ-серай, другіе Есхи-серай, спрѣчь шараи старые, а третій шарай малый на Пестронѣ (Петронѣ)а тамъ не бываетъ Цесарь только въ уреченные праздничные дни на прогуляніе, а въ томъ шараи всегда живутъ спальниковъ его четыреста, а зовутъ ихъ Азамоліяни, съ учительми своими, а тѣхъ учителей зовутъ Казоаа, которые учатъ ихъ читать, на конѣ ѣздить, съ ручницъ стрѣлять, копьемъ бить въ мету, изъ лука стрѣлять и саблею боронитце, а тѣ когда доростутъ и выучатце то поступаютъ въ большую службу Цесарскую, а наипаче съ нихъ поставляютъ спахіовъ, спрѣчь храбрыхъ воиновъ, или по нынѣшнему нарѣчію Кавалеровъ Цесарскихъ, которые з жалованья живутъ, а даютъ имъ жалованье по указу Цесаря не въ ровность, котораго чимъ пожалуетъ. А тотъ шарай построилъ имъ Браимъ баша (Ибрагимъ Паша), зять Цесаря Солимана. Четвертый шараи большіи, зовомый Есхишарай, построенъ Мехметомъ, который взялъ Царьградъ, а стоитъ въ срединѣ города четверогранный, вкругъ около его стѣна каменная, на полъ трети версты, тамъ живутъ женщины, тые, которые преже женами бывали Цесарскими, и уже престарѣлись. Тамже живутъ мамки, спрѣчь кормительницы, которые кормили сыновъ Цесарскихъ или братью его, или въ какой нибудь службѣ Цесарской были. А имъ оттоля выходить до смерти невольно, а всѣмъ идетъ жалованье съ казны Цесарское. развѣ которая пойдетъ за

повелѣніемъ Цесарскимъ за башу или иного котораго именитаго человѣка; а то прилучастце часто съ повелѣніемъ Цесарскимъ, и Турки сами имѣютъ себѣ за честь, когда который пойметъ такую жену, которая преже достойна была ложа Цесарскаго, или паче добиваютце таковаго супружества, обаготѣнія ради; такихъ зятей своихъ вельми жалуютъ Цесари и даютъ имъ приданаго много и достоинства, что нилутчые, а и тѣ, которые замужъ нейдутъ и до смерти въ томъ шараи запертые, имѣютъ всякой прохладъ и всякое довольство, а по часту и самъ Цесарь къ нимъ заѣхавши, живетъ недѣлю и двѣ и три, какъ ему полюбитце, и никого тамъ музчынъ, дворянъ своихъ, пустить зъ собою не велитъ. И въ то время много у него тые жены спрашиваютъ, которая о чемъ бьетъ челомъ: или чтобъ жалованья прибавилъ, или котораго узника свободилъ, или о иной какой нуждѣ. А великій Шарай, въ которомъ всегда Цесарь живетъ, выше сего описанъ, что есть вкругъ на Влошскую милю, а нашихъ пять верстъ, около его три стѣны каменные, одна другой стѣны выше, которыми отъ моря до моря перегорожено, а двѣ стѣны и отъ моря по обѣимъ сторонамъ, почавши отъ Мосхеи Софіи, гдѣ ворота въ Шарай з города; въ тѣхъ воротахъ стоитъ всегда сорокъ человѣкъ на караулѣ, а зовутъ ихъ капиги; отъ тѣхъ воротъ между стѣнами до конца шараю по одной сторонѣ дровосѣкъ, а 2-хъ тысячи человѣкъ безперечь робятъ, дрова рѣжутъ пилою, рубятъ, кладутъ въ клѣтки, и носятъ въ поварню и въ хлѣбню, во абтеку и алхимію, а тѣ дрова провозятъ изъ за моря Чернаго, а возятъ ихъ лодками или ботами великими, которыхъ всѣхъ суденъ малыхъ и великихъ 2000, а зовутъ ихъ Карамузалы, и ничего на нихъ, кромѣ дровъ на дворъ Цесарскій иного не возятъ, а тѣхъ людей, что дрова возятъ и разносятъ куды надобно зовутъ белтаги, имѣютъ свою поварню собенную, и тамъ себѣ ѣсть варятъ; въ серодкѣ того двора стоитъ крестиль-

ница съ церкви святой Софіи вынесена, а не одинъ больши не въѣзжаетъ на кони въ Шарай Цесарскій, только по тотъ дворъ, гдѣ крестильница стоитъ; всякъ тамъ пріѣхавши, ссадитца съ коня и идетъ пѣшъ въ шарай; тутъ входятъ въ другіе ворота, около которыхъ двѣ стѣны каменные кругомъ и караулъ великій капиговъ, въ тѣ ворота ни кто не входитъ безъ докладу, развѣ въ той день, въ которой бываетъ Дыванъ, сирѣчь суды всякіе судятся; а дыванъ бываетъ въ недѣлю четыре раза: въ субботу, въ недѣлю, въ понедѣлокъ и во вторникъ, а въ тые дни сходятся вси начальные люди Цесарскіи, напередъ Визирь великіи, по немъ Баша Натолскіи, котораго зовутъ Белиербесъ, по немъ Капитанъ Янычарскіи Гекпазаръ, два Бояра съ полаты, а зовутъ ихъ Калиссъ-хиеръ, сирѣчь судьи войсковые, которыхъ зовутъ Дезитердаръ, тые вси засѣвши въ первомъ часу до полудня, челобитья слушаютъ и указы чинятъ; а гдѣ тотъ Дыванъ, сирѣчь суды судятся, и тамъ жилье великое, имѣетъ въ себѣ избы долгіе, а двори во всѣхъ избахъ. Въ которые дни судятъ, а предъ тѣми избами есть портикъ сирѣчь сѣни большіе, и тутъ народъ стоитъ, которымъ дѣла есть и караулъ великій, которые не пущаютъ входить, развѣ кого призовутъ, и то по одному впущаютъ челобитчика и отвѣтчика; а когда отсудятъ, вставши всѣ идутъ до Цесаря и даютъ ему на письмѣ всѣ тые дѣла, которые на Дыванѣ судили, коротко списавши і послѣ имянно ему докладываютъ, а Цесарь читаючи всѣ тые дѣла, на которое замолчитъ, то уже то дѣло утвердилось, а которое читая, кивнетъ рукою, то тое дѣло вновь пересуживаютъ, а преже покуль тые всѣ, что на дыванѣ сидѣли, внидутъ въ палату Цесарскую, входитъ Везирь великіи, все ему именно доложитъ, а судьи ждутъ за дверьми, покамѣсть ихъ Везирь призоветъ, и тутъ они, ставши предъ Цесаремъ здалека, обо всемъ докладываютъ, а онъ Цесарь ни съ единымъ съ нихъ не говоритъ,

понеже онъ Везирь есть першимъ подъ Цесаремъ; а когда посла якого иноземскаго отпущаетъ или посольство слушаетъ, то самъ Цесарь ничего не говоритъ, только Везирь, а Везирь преже всякаго посла приходитъ предъ Цесаря, и съ нимъ обо всѣмъ разговоритъ, и тутъ ему цесарь прикажетъ, какъ посла принять, и о чемъ съ нимъ договариватца, и съ чимъ ево опустить. А та палата въ которой Дыванъ бываетъ, стоитъ по лѣвой рукѣ увышовши въ Шарап, а по правой рукѣ поварня Цесарская и обтека (аптека) нижная, и тамъ про судей всѣхъ, которые на дыване садятся, строятъ рано кушонье, а наипаче вареные и печеные птицы, а промежъ Дываномъ и поварнею въ срединѣ казенная Цесарская палата, а тутъ предъ дверьми всегда лежатъ на земли большіе мѣшки з деньгами, (дабы народъ всякихъ чиновъ, которые на Дыванъ приходятъ за своими дѣлами, видѣлъ великость казны Цесарской, что и въ палатѣ не вмѣщаются деньги, и по земли лежатъ, и для великихъ нуждъ казначей не успѣетъ денегъ своими писарьми считать и записывать, (а на тѣхъ мѣшкахъ з деньгами написи городовъ и иныхъ далекихъ царствъ, сколько откуль прислано). А послѣ съ тѣхъ мѣшковъ выдаютъ всякаго чину (людемъ) жалованье, сколько кому доведетца, а что будетъ искусно дѣланныхъ изъ лутчего золота всякихъ штукъ, промежъ тѣми деньгами, а наипаче португаловъ розныхъ Королевъ, тѣ откладаютъ на стороны про Цесаря, а онъ тѣ въ свою тайную казну кладетъ. Послѣ идучи въ третіе вороты (попадаютъ) въ Шарай, гдѣ самъ Цесарь живетъ, а тотъ стѣною каменною не добрѣ высокою обведенъ, но толстою безъ мѣры, въ немъ ворота меньшіе першихъ воротъ, и тутъ на караулѣ стоятъ рѣзанцы, сирѣчь скопцы Цесарскіе, а вышовши въ серодку есть палаты великіе, по лѣвой сторонѣ хоромы, въ тѣхъ живутъ спальники Цесарскіе, а по другой сторонѣ на правой рукѣ обтека Цесарская и погребы въ которыхъ складываютъ коренье и зелье всякое, которое годится во обтеку; тамъ же живутъ робята малые, которыхъ тамъ

учатъ, чтобъ имъ пришовши въ возрастъ згодну быть па службу Цесарскую, и съ нихъ обираютъ спаговъ, а бываетъ ихъ всегда шестьсотъ.

ГЛАВА IX.

О палатахъ Цесарскихъ и его спальникахъ.

Съ того подворья, гдѣ мальцы живутъ, ходятъ ганькомъ (крыльцомъ) узкимъ на иное подворье, а тамъ въ серодкѣ есть огородъ избранный, всякаго благовоннаго зелія полный, а на правой рукѣ того Шараю палаты Цесарскіе, въ которыхъ съ женами своими пребываетъ, къ которымъ ходитъ ганкомъ высокимъ, и имѣетъ ключи отъ всякихъ дверей у себя, и у начальника надъ евнухами, а онъ всегда живетъ на стражѣ у тѣхъ дверей, которыми ходятъ до тѣхъ женщинъ, съ евнухами своими; а онѣ суть мурины черные и вельми непригожіе, и такихъ тамъ нарочно выбираютъ чтобъ не полюбились тѣмъ женамъ. А тѣ спальники, которые служатъ самому Цесарю, весьма лицемъ красны, а избираютъ ихъ нарочно, чтобъ ни единаго злообразнаго не было, а есть ихъ во всякой службѣ по тридцати: тридцать, что ему рубашку подаютъ, тридцать, что другую шелковую, тридцать, что жупанъ, тридцать ферезію, тридцать, что шубу или ферезію подшитую, которую когда велитъ, тридцать, что завой на голову кладутъ, тридцать, что его опоясуютъ, (а всякъ съ нихъ свой день уреченный знаетъ) тридцать, что обуваютъ, тридцать, что постель стелютъ, тридцать, что смотрютъ, чтобъ всякая вещь въ палатѣ на своемъ мѣстѣ лежала, тридцать, что метутъ полы.

На другой сторонѣ огорода тамъ своѣ собенные имѣетъ покои, и въ тѣхъ ему только музчины служатъ, а женской полъ, тамъ не входитъ. Есть тамъ особенное жилье, гдѣ

глухіе живутъ, а есть ихъ всегда тридцать, а тое ихъ жилье съ преградою собенною и съ запоромъ; тамъ же у нихъ и лазня (баня) и колодезь и огородъ изрядной; къ нимъ тамъ часто Цесарь ходитъ и тѣшитце съ ними, а наипаче послѣ обѣда, разговоряючи съ ними на кивы, часомъ беретъ ихъ съ собою и идетъ черезъ огородъ великіи, до женскаго жилья, и велитъ глухомъ съ глушками размовлять (разговаривать), и тѣшитце долго; не далече отъ тѣхъ глуховъ, живутъ карлы особно, а отъ тѣхъ не далеко евнухи, сирѣчь скопцы, еще не навчоные къ службѣ Цесарской, а не далече ихъ въ собенномъ жильѣ живутъ женщины, которыхъ зовутъ султанами, сирѣчь Царицы, а всякой собенные покои, фонтаны, сирѣчь колодези, лазни и огороды; а кругомъ всѣхъ жилья ихъ обышолъ ганокъ (крыльцо) вельми изрядной, куды къ нимъ Цесарь ходитъ, а двери собенные ко всякой такъ подѣланы, что иная не вѣдаетъ когда Цесарь входитъ къ другой; а къ концу Султанъ тыхъ жилья, есть собенное жилье, а тамъ кормятъ дѣти Цесарскіе, только сыны, а дочери всякая живетъ при своей матери; а сыномъ, скоро которому шесть лѣтъ минетъ, то его берутъ отъ матки, и ховаютъ ихъ въ собенной полатѣ и даютъ имъ учителей, которые ихъ учатъ. И тѣ двѣ Цесарскіе большіе палаты, по обоимъ сторонамъ огорода построеные, имѣютъ въ себѣ по тритцати жилья, опричѣ салъ, сирѣчь чердаковъ и коморъ, въ которыхъ самъ Цесарь живетъ; въ одной палатѣ служатъ ему мущины, а въ другой женщины, а въ обоихъ тѣхъ палатахъ есть лазни (бани), колодези, огороды и рощи, гдѣ пращство (пташство) есть различное. А все то строено отъ различныхъ мраморовъ, вельми искусною рѣзьбою, стѣны около оконъ, около дверей, и по всходахъ украшено, обаче ни единаго изображенія человѣческаго нѣтъ, только различные цвѣты; стѣны вельми дорогими злотоглавы и альтенбасы обиты, (а инымъ Туркомъ обивать стѣнъ въ хоромахъ невольно, развѣ около постели немного), а на

земли ковры золотомъ тканые, и тюфяки золотоглавные дорогіе, ложи широкіе, а низкія на полъ локтя отъ земли, всѣ изъ слоневыхъ костей робленые, а иные сажены деревомъ алюесовымъ (алеосъ дерево вѣсятъ противъ серебра), и сандаломъ, съ великими штуками кораловыми; одно есть Султана Амурата, которое ему привезено съ Каиру, а цѣнятъ его девять десять тысящь червонныхъ золотыхъ. Въ тѣхъ палатахъ, гдѣ ему мущины служатъ, имѣетъ погребы, въ которыхъ свою казну ховаетъ (прячетъ), подъ тыми покоями, гдѣ самъ Цесарь сыпляетъ, и оттоль имѣетъ тайные двери, а тѣ двери тройсто желѣзны, и такъ искусно придѣланы, что никоими мѣры невозможно познать съ жилья, разъ только въ годъ тые двери отпираютъ, когда ему съ Каиру деньги привезутъ; съ тѣхъ денегъ жалованье дворовымъ своимъ выдавши, шесть кротъ сто тысячъ червонныхъ золотыхъ въ тѣ тайные погребы ховаетъ, блюдучи то, про послѣднюю нужду Царства своего.

Тое хожденіе сокровеное погребы построилъ Солиманъ Цесарь, а тотъ имѣлъ таковую обыкность, всю тую казну, которая ему съ податей въ годъ пріидетъ, сливать въ одну великую кулю (шаръ) золота, а то послѣ дирею, подобіемъ колодезя сдѣланнаго съ мѣди, ажъ въ погребы подъ землю велѣлъ вкидать глухому, и приказывалъ накрѣпко, чтобъ никому того не сказывали. А Амуратъ, здѣлавъ другую дирю, такуюжъ подобіемъ колодезя, въ тѣжъ погребы з другое стороны палаты, гдѣ мущины живутъ, и тамъ ховалъ казну денежную, не сливаючи, вмѣсто своей, иншихъ королей работы, а хаживалъ тамъ самъ, по четыре раза въ годъ, а сказываютъ, тамъ кладывалъ по всякъ годъ, по три милліоны червонныхъ золотыхъ, и потому мнятъ, что тамъ казна несмѣтная золоте, черезъ такъ многіе годы, понеже какъ почата тамъ казна класть, то еще не бирали оттѣле ничево; и будетъ когда не станетъ казны расходное, то займутъ у Башъ

и торговыхъ людей берутъ деньги, а тое казну блюдутъ про великую нужду.

ГЛАВА X.

О огородахъ и библіотецѣ Цесарской.

Кромѣ того огорода, который есть въ срединѣ палатъ Цесарскихъ, есть иные огороды, вельми роскошны, назади палатъ и тыхъ въ которыхъ мущины живутъ, и тыхъ, гдѣ женщины живутъ, до самыя стѣны, по обоимъ сторонамъ, къ морю; а по обѣ стороны къ морю, въ тыхъ огородахъ въ срединѣ, во всякомъ опрично покойки малые, искусно вельми дѣланные, а наипаче одинъ на шесть граней, на столбахъ мраморныхъ, верхъ или своды утвержденныи имѣетъ, а промежду тѣми столбами хрустальные таблицы, такъ споены, что видитца, бутто всѣ стѣны безъ всякіе спойки цѣлы, самаго хрусталю здѣланы, а на верху вельми искусно сведено и покрыто оловомъ, а въ серодкѣ весь серебренъ, позолоченъ, по нихъ разные травы, а столбики небольшіе въ серодкѣ съ хрусталю рѣзнаго, коралами обложены; такжде и въ самомъ покою прибойки на верху столбовъ мраморныхъ, а тотъ чердачекъ такъ свѣтелъ, что когда солнце надъ нево надходитъ, зрѣніе человѣку портитъ, что послѣ и смотрѣть не можетъ; а къ тому, что тотъ чердакъ на верху иныхъ покоевъ, то изъ него на всѣ огороды есть такое веселое прозрѣніе, что исповѣсть не возможно, хто разсудить умѣетъ перспективы или трубки, чрезъ которые и дальные вещи, блиски видятся, и прочая тымъ подобна. Недалече тыхъ палатъ по правой рукѣ отъ жилья женскаго, есть палата, а тамъ ховаютъ утварь Цесарскую въ сундукахъ удивительно сдѣланныхъ положеную также и всякіе приборы на кони узды, и прочіи нарядъ изъ дорогихъ жемчуговъ и камней многоцѣнныхъ дѣланный, хо-

ваютъ; другіе, такіе же палаты есть, гдѣ живутъ спальники Цесарскіе, тамъ тоже ховаютъ утварь Цесарскую: перстни, запоны, шабли, и иной нарядъ Цесарскій; а на лѣвой рукѣ, гдѣ мущины ему служатъ, есть двѣ библіотеки большіе; одна подлѣ жилья спальниковъ ево меньшихъ, которою они сами вѣдаютъ, а другая тайная, позади тое первы, ближе къ жилью самаго Цесаря здѣлана, въ которой шафы или поставни, по обоимъ сторонамъ подлѣ стѣны идутъ, отъ оконца до оконца подолговата, а въ тѣхъ поставняхъ дверцы рѣзнаго хрусталю, обложены каменіемъ дорогимъ, а во всякомъ поставни лежатъ двадцат четыре книги, однако (одинако) сдѣланы, обложены каменіемъ дорогимъ и жемчугомъ, на которыхъ только самъ Цесарь читаетъ; а тѣ поставни сдѣланы ниски, и онъ сидя по Турецкой обыкности на тюфяку, видитъ въ поставнѣ черезъ хрустальные дверцы всѣ книги, и не вставаючи съ земли, возметъ, которая ему покажетца и чтетъ; а надъ тыми поставнями, въ которыхъ книги, положены другіе поставни вышшіе, иначе здѣланы, а въ тѣхъ дверецъ нѣтъ, а въ тыя поставни, по всякой Вторникъ кладутъ три мѣшечка денегъ червонныхъ золотыхъ одинъ, а два мелкихъ серебреныхъ; съ тыхъ мѣшковъ роздаетъ Цесарь, когда захочетъ, часть своимъ шутомъ глухимъ, часть и карломъ, а часть на милостыню роздаетъ. Въ першой библіотеци, въ которой покоевыя ходятъ читать, есть книги разныхъ языковъ, всѣ писаные, а наиболѣе по Греческу, межъ которыми есть сто двадцать книгъ по два локтя въ длину, а на полъ локтя въ ширь, Константина великаго, искусно сдѣланныхъ на тонкомъ пергаминѣ, и такъ выдѣланныхъ, что тонее бумаги; а въ тыхъ книгахъ писано старый и новый завѣтъ, житие святыхъ отецъ и всякіе исторіи, а писаны всѣ золотыми словами, оклады на всѣхъ серебрены, золотистыи, жемчугомъ и каменіемъ дорогимъ усажены, и не даютъ на нихъ никому читать, кромѣ только сами на нихъ спальники читаютъ, которые вѣдаютъ ими.

ГЛАВА XI.

О аптице (аптекѣ) Цесарской.

Есть вещь достойная аптеку Цесарскую описать, не только того ради, что есть велика и долга, но того ради, что въ ней всякія вещи дорогіе обрѣтаютце, понеже тамъ всякого олейну по тридцати великихъ кукшиновъ (кувшиновъ) стоитъ, всякаго сыропу, всякой водки и всякой матеріи дорогое, и балсаму тритцать кукшиновъ всегда полны, а когда, который изойдетъ, то въ то мѣсто свѣжое матеріи положатъ, чтобъ никогда порожніе суда не стояли, а не только напитковъ или водокъ, и еликтуаріи (елексировъ), но и масти, и составовъ всякихъ и дорогихъ вещей, и благовонныхъ всякихъ помазаній по тридцати всегда стоитъ сосудовъ; а тѣ всѣ сосуды вельми изрядно сдѣланы, однимъ подобіемъ въ той аптецѣ всегда робятъ (работаетъ) триста аптекарчиковъ, осемнадцать учителей, а четыре начальныхъ, которые досматриваютъ порядку.

Въ той аптецѣ робятъ сорбеты (шербеты) разные про Цесаря, а наипаче робятъ его зъ соку лимоннаго и цукру (сахару) добраго, а на то всѣ цукры, питые свѣжо съ трости вытѣменные, закупаютъ во всей Кандіи на Цесаря, и лимоны всѣ съ Канеи, которой городъ есть тамъ же въ Кандіи на Западъ, въ концу острова; тотъ городъ Турокъ недавно завоевалъ 1645 году, и всю Кандію завоевать тщится, и вже (ужъ) еѣ великую часть завоевалъ. Священникамъ, Христіанскимъ Епископомъ оттуду выѣхать, побравши иконы и утварь церковную, велѣлъ, а церкви тотчасъ на мосхеи обернулъ, и Башу тамъ новаго, съ титломъ сея Кандіи, осадилъ. А сказываютъ, что надъ лимоны съ Канеи не машъ (не найдешь) нигдѣ лучшихъ во всей Турец-

кой державѣ, а надѣлавши того сорбету ховаютъ изъ году въ годъ въ сосудахъ глиняныхъ поливоныхъ; а съ того сорбету, взявши ложку одну въ чарку, растворить ево водою, и учинитца смакъ вельми вкусенъ и благовоненъ; а тотъ сокъ, въ собѣ есть прегустъ, подобіемъ акирмесу; а когда ево растворить водою, покажется какъ вино наилучшее; чарки, которые для Цесаря растворяютъ, однѣ хрустальные, другіе бурштановые (янтарные), иные стекла хрустальнаго, иные золотые, а всѣ дорогими вельми каменьми осажены.

Выходитъ того сорбету на всякъ день много, понеже его не только Башамъ даютъ, сколько надобно, но и инымъ всѣмъ начальникомъ и всѣмъ дворовымъ, которые въ Шараю живутъ, а убогимъ и работникомъ уксосомъ растворяютъ сорбетъ. По правой рукѣ тое обтеки есть четыре великіе палаты, въ которыхъ полно зелья въ аптеку надобнаго, а то зовутъ дроге псаміи сирѣчь дорогими вещами. А по лѣвой рукѣ тое аптеки, четыре тожъ великіе палаты, въ которыхъ всякіе водки дѣлаютъ.

Тамъ же въ Шараю, гдѣ самъ Цесарь живетъ, есть двѣ мосхеи: одна подлѣ тыхъ палатъ, гдѣ живутъ мущины, а другая, гдѣ женщины живутъ, а понеже имъ колоколовъ имѣть не годитце, то на тѣхъ двохъ божницахъ, имѣютъ часы, по которыхъ познаютъ время молитвы, а когда что въ тѣхъ часахъ испортитца, то починяютъ спальники, понеже они тому научены; а въ спальной самаго Цесаря, есть часы текущые, искусно здѣланы, великіе и малые, и такіе, что чрезъ цѣлые сутки текутъ, а въ ночи познаетъ по примѣтамъ, которой часъ; при тыхъ же часахъ есть четверти и полчасье также текучи, а не надобно ихъ переворочать, понеже искусно такъ сдѣланы, что сами переворачаютце.

ГЛАВА XII.

О столѣ и поварнѣ Цесарской.

Столъ на которомъ Цесарь Турецкіи ѣстъ, весь серебреный круглый на два перста толстый, а ставлеютъ его на ножкахъ четверогранныхъ, также серебреныхъ вельми низкихъ, чтобъ ему сѣдя на тюфяку, можно достать ѣсть, а часто садится на трехъ возглавкахъ, или на одномъ толстомъ; тотъ столъ кругомъ накроютъ товорнями, сирѣчь полотенцами дорогими, кругомъ, а въ серодки голо, скатерти нѣтъ, а чтобъ далеко не достовалъ, которая ему полюбитце ѣства, то столъ рушитъ, которой поворачуетце кругомъ, а когда ѣстъ, то тамъ никому не годитце приступить и стола доткнутце, покамѣсть наѣстце; а въ праздники годовые, которые два раза въ годъ бываютъ, ѣстъ на столѣ золотомъ, дорогими каменьми саженомъ, также робленъ, что серебряной, а оборочаетце тожъ кругомъ. Ѣсть на столъ даютъ на блюдахъ глиненыхъ, а ѣствъ всегда на обѣдъ и на вечерю строятъ тридцать, а пересмотрѣвши всея ѣствы, одну себѣ изберетъ, а иные двадцать девять посылаетъ своимъ женамъ, съ которыми живетъ, а иногда велитъ роздать своимъ шутомъ глухомъ и карломъ; хлѣбъ про его пекутъ съ муки дважды ситомъ густымъ пересѣяной, и то зъ собной пшеницы, особно сѣяной, которая родитце въ Натоліи близъ города Буркіи (Бурсіи), а та пшеница живетъ вельми бѣла, а пекутъ съ муки гораздо пересѣяной про его, на всякъ день булокъ двадцать. А всякая вѣсомъ по четыре фунта, а рощыняютъ (а мѣсятъ) тотъ хлѣбъ молокомъ козьимъ, и на то нарочно ховаютъ козы въ рощи, на то запущенной, также въ Шараю, а кормятъ ихъ довольно, а того хлѣба не даютъ никому, только тымъ къ ко-

торымъ онъ милостивъ, а наипаче Везирю великому, лѣкарю, и спальникомъ вѣрнымъ, которыхъ зовутъ Агалляры.

Поварень въ Шараи есть девять; шесть, на которыхъ про всякаго чину людей строятъ кушанье, а три, на которыхъ про самаго Цесаря, всегда имѣютъ готово мясо вареное и печеное, со всякими присмаками (приправами), дабы на-скорѣ дано, когда прикажетъ, въ день или въ ночи, будучи у своихъ султанъ, серѣчь женъ, чтобъ ихъ употчевалъ, а опричень всякая султана имѣетъ свою собенную поварню. А тамъ про себя и про дѣтей, которыхъ имѣетъ съ Цесаремъ, велитъ строить ѣству, какъ ей годно, а про тѣхъ султанъ должны, па то приставленые закупщики на всякъ день дать на ихъ расходы, сто барановъ, осемь сотъ курей, двѣсти всякихъ птицъ, а мяса тамъ коровья или воловаго для женщинъ не даютъ.

Служащихъ, которые Цесарю ѣсть носятъ до покоевъ, есть сто пятьдесятъ, а зовутъ ихъ Саляпгилеръ, а у дверей остатняго покою отбираютъ спальники, и ставятъ на столъ Цесарскій, преже неже сядетъ.

Всѣхъ, которые хлѣбъ Цесарскій ѣдятъ, всякаго чину людей, въ Шараю трипадцать тысящей четыреста. А не машъ тамъ всѣхъ женщинъ и съ служебницами ихъ, только осмьсотъ, а евнуховъ осмь же сотъ. А есть больши, нежели двѣ тысящи особно людей, которые куры кормятъ и каплуны и курчата на поварню Цесарскую; иные съ нихъ покупаютъ куры, и иные кормятъ и досматриваютъ, и иные оправливаютъ и рѣжутъ, иные зъ деревень приносятъ на ослахъ и на себѣ.

ГЛАВА XIII.

О стайни (конюшнѣ) и огородахъ за городомъ.

По правой рукѣ Шараю, за стѣною надъ берегомъ морскимъ стоятъ стайни (конюшни) Цесарскіе, на добрыхъ полъ трети версты въ длину, а съ тѣхъ однѣ отъ стѣны Шараю близко построены, въ которыхъ стоятъ кони ѣздные, что наплутчіе, а другіе отъ воды, противъ нихъ, тамъ въ серодкѣ подворье продолговатое; въѣздъ къ тымъ конюшнямъ отъ полунощи, а ворота изрядные, а въ срединѣ до Шараю есть отъ стаень переходъ замчистый, и туды коня Цесарю ведутъ, когда ѣдетъ гулять. А въ концѣ тѣхъ стаень зъ стѣны Шараю самаго повыше, покойни или жилье, а тамъ живутъ спальники Цесарскіе, и оттуль имъ видно на море, а про межъ тѣма есть четыре покойни Цесарскихъ, вельми изрядные, съ которыхъ онъ смотритъ на море, тѣ покойни зовутъ по Турецку Хностры, сирѣчь клѣтки. А тѣ то покопки или чердаки, при Амуратѣ Султанѣ, построилъ Сипанъ Баша, аще и въ инѣхъ мѣстехъ многою казною, обаче тамъ есть одинъ чердачекъ, который сталъ сто пятьдесятъ тысячь червонныхъ золотыхъ: иншіе стайни въ которыхъ держатъ лошади на войну, стоятъ за городомъ надъ морскимъ берегомъ, а тѣхъ стаень двѣнадцать, а во всякой больши двохъ тысячь коней; стоятъ тѣ стайни отъ Царяграда за 17 верстъ, работниковъ, что въ тѣхъ стайняхъ служатъ, есть три тысячи, а зовутъ ихъ Азнанъ Гуляръ, а по всякой стайни собенный конюшный.

Около тѣхъ стаень надъ моремъ, въ городъ идучи, есть огороды Цесарскіе, такожъ и по другую сторону города надъ моремъ, вельми изрядные, а всѣхъ тѣхъ огородовъ осемнадцать, окромя тыхъ огородовъ, что въ Шараю, а стѣною

каменною всѣ обведены, всякой особно, а во всякомъ чердачки и инные прохладны. А есть всѣхъ тыхъ, что огородами вѣдаютъ, и въ нихъ безперечь работаютъ, три тысячи человѣкъ, а зовутъ ихъ, по своему Бустанъ-гилеръ.

ГЛАВА XIV.

О Цекавъзе (цейхгаузѣ) и пушкахъ.

Между иными вещами удивленія достойными въ Царьградѣ есть Цекавзъ или арсеналъ Цесарскій, спрѣчь пушечный дворъ, въ которомъ, такъ на морѣ, яко и на землѣ пушки, и всякое оружіе спѣютъ. А тамъ есть удивленію великому вещь достойна, сто въ семъдесять сдѣлано кровель, подобіемъ башень или Шараевъ высоко надъ берегомъ морскимъ, подъ которые подходятъ галеры зъ моря въ цекавзъ; а тѣ шараи есть такъ высоки и широки, что подъ всякою помѣститце три галеры; тутъ разсудить, каковые тые палаты, подъ которыхъ кровлею галеры и иные судна морскіе всегда ховаютъ, въ срединѣ самаго цекавзу. А тутъ же и лазня (баня), ради узниковъ, а не бываетъ тамо ихъ меньше четырехъ тысячей, которые мастеромъ робить и бремена носить пособляютъ. А тѣжъ ходятъ работать и въ шарай, переходами тайными, а тѣ на галерахъ не работаютъ, понеже тамъ есть иные узники, при городѣ у пристани и на мори; а живетъ ихъ больши тритцати тысячей. А при Амуратѣ Султанѣ было ихъ тритцать двѣ тысячи, только на галерахъ кромѣ арсеналу.

Мастерскихъ тамъ людей, капирановъ (капитановъ) или приставовъ надъ ними, также иньгеперовъ (инженеровъ), мастеровъ всякихъ мастерствъ, одверныхъ или ключниковъ отъ всякихъ каморъ и анбаровъ, также воинскихъ людей,

что караулятъ всѣхъ, есть тритцать шесть тысячь; а тѣ всѣ жалованьи берутъ съ казны, по всякъ мѣсяцъ, всякъ противъ своего чину, а всѣ тѣ или большая часть Христіанъ потурченыхъ или ихъ дѣти.

Особъ есть четырнадцать тысячь мастеровъ, которые ручное оружье дѣлаютъ въ Шарай безперечь, и должны чистить въ палатахъ по вся недѣли оружье, дабы не увидѣлъ тамъ Цесарь нечистаго; а тыхъ мастеровъ зовутъ Гобеи, а тѣ на войну съ Цесаремъ идутъ.

Другіе есть Туффеки, спрѣчь стрѣльцы съ ручницами, и тѣ на войну съ Цесаремъ идутъ же; жалованье берутъ съ казны, и есть ихъ осмь тысячь всихъ.

Послѣ ихъ есть топеи или пушкари, осемь тысячь ихъ всѣхъ, съ которыхъ большая половина мастеровъ, что пушки дѣлаютъ, по той сторонѣ Галаты въ одномъ дворѣ великомъ каменномъ, названномъ Тофана (Топъ-хана). А тамъ неищетное множество на дворѣ пушекъ, а наибольше христіанскихъ, по различнымъ царствамъ побраныхъ, а то знать зъ ихъ гербовъ и написовъ. Янчарове, которыхъ есть всегда тритцать шесть тысячь, у двохъ дворахъ учатце, всякаго оружья робить, чтобъ не лежали дармо, и не купили себѣ оружья, когда скажутъ на войну, но чтобъ въ покою сѣдя, загодя приспѣвали. Есть тамъ двѣ тысячи одверныхъ въ Шараю, которыхъ зовутъ каличи, которые на войну съ Цесаремъ ходятъ, и ихъ должность есть казнити, когда Везирь кого осудитъ на смерть, а ката (палача) тамъ опричнаго нѣтъ, по понеже и онѣ почитаютце быть знаками (юнаками) спрѣчь воинами Цесарскими, того ради, дабы тымъ сами не мазались кровопролитіемъ, держатъ на то собено онѣ сами людей убожшихъ, чтобъ за ине повинность чинили. А если, котораго именитаго человѣка или Башу якаго въ Царьградѣ или индѣ гдѣ казнить, то онѣ сами мусятъ (должны) свою должность исполнять, понеже именуютце «исполнили справедливость» и когда Воеводу якаго или Башу или иного

кого з начальныхъ чину вонъ осудятъ, за какову нибудь вину, то онѣ ходятъ гнѣвъ Цесаря имъ сказывать, а наипаче когда Везиря Цесарь хочетъ перемѣнить, то его позовутъ предъ Цесаря въ палату, а одинъ съ тѣхъ пришовши къ нему, возметъ у него печать Цесарскую з руки, и закрываетъ ему баволницею (хлопчатою бумагою) половина лица, махнетъ на него рукою, понеже предъ Цесаремъ говорить ни кому не вольно, и велитъ ему, дабы вышелъ съ палаты Цесарской за двери, и уже отчужденъ отъ чести своей.

Есть еще коморниковъ Цесарскихъ двѣ тысячи, которыхъ зовутъ солахъ, тые ходятъ около Цесаря, носятъ лукъ его и стрѣлы, а сами луки робятъ и зъ луками на войну ѣздятъ.

Чаусовъ (Чаушей) есть всегда въ Царьградѣ четыре тысячи, сирѣчь послапцевъ, которыхъ посылаютъ до оныхъ властелиновъ и начальниковъ въ Царствѣ Турецкомъ, которые городами вѣдаютъ, а съ тыхъ есть всякой мастерскому искусенъ какому нибудь дѣлу, а наипаче онѣ полатки на войну спѣютъ; всегда онѣ по своему чину становятце, предъ дверьми третей стѣны Шараю, ожидаючи котораго куда пошлютъ, а та ихъ служба есть корыстна, потому что имъ и тѣ даютъ, къ которымъ онѣ посылаютце, и съ казны даютъ имъ на страву (кушанье), или на дорогу, и они сами отдаютъ Цесарскіе грамоты и всякіе достоинства, которыхъ Цесарь, каковымъ чиномъ пожалуетъ; а когда Цесарь жалуетъ кого воеводствомъ или инымъ какимъ чиномъ, то написавши грамоту, отдаетъ ее своему которому спальнику, а онъ посылаетъ чрезъ чауса (съ вѣстію къ тому) кто пожалованъ, понеже спальники съ Шараю никогда не выходятъ, а онъ пожалованый, даетъ отъ себя чаусу, такожде и спальникъ, которому чаусъ принесетъ деньги за грамоту, и за грамоты берутъ спальники деньги по окладу. И такъ Цесарь своихъ спальниковъ обогащаетъ, чтобы было съ чимъ поѣхать, когда котораго куды пошлетъ.

Есть тамъ четыреста слугъ Цесарскихъ, которыхъ Влохи

зовутъ Паля-ѳренперы дпресь петво, а Турки зовутъ Пейхъ, а тѣ по четыре человѣка, идутъ около коня Цесарскаго, когда куды ѣхать изволитъ; а шапки у нихъ золотые, подобіемъ старозаконныхъ архиереевъ, толькожъ не разрѣзанные; тѣ имѣютъ свою повинность, отбираютъ челобитные, которые Цесарю подаютъ. Опричѣ есть серебрениковъ и збпалеровъ (ювелировъ?) Цесарскихъ пять сотъ, которыхъ зовутъ Гнусхи, спрѣчь, тые, которые знаютъ каменье дорогое, всѣ тые въ одномъ дворѣ живутъ, и безперечь робятъ въ Шараи, про самаго Цесаря, про его жены и про ихнихъ дворянъ, всѣ жалованье берутъ съ казны, а одинъ надъ ними старшій. И тѣхъ людей, которые дерево з лѣсу возятъ до арсеналу, и что рѣжутъ дерево пилою, плотниковъ, столяровъ, и бочкаровъ, которые на поварни и на конюшни всякіе посуды дѣлаютъ, также Башомъ, а наипаче Везирю, осемь тысечь ихъ всѣхъ считаютъ.

Кравцовъ, которыя на весь дворъ работаютъ Цесарскій, двѣ тысячи пятьсотъ, а зовутъ ихъ Пестилеръ, а всѣ онѣ живутъ въ одномъ дворѣ въ концѣ Шараю Цесарскаго, которой клиномъ кончитца, въ море входячи, и на двое раздѣляетъ устремленіе водное; а съ того зовутъ часть одну каналомъ великимъ, а другую —каналомъ малымъ, и когда окруты или галеры или иные какіе купецкіе судна идутъ и чтобъ не разбивались о тотъ рогъ, или клинъ Шараю, то на то есть оставленъ Бустанги Баша, старшыи надъ огородниками, которой того бережетъ, и на то имѣетъ людей всегда готовыхъ, которые судна препровождаютъ, кодолами (канатами) большими удерживаютъ, и оттегаютъ назадъ, чтобъ не разбилось, а хозяинъ, котораго по Турецку зовутъ Раисъ, долженъ дать ему противъ окладу, за которое судно обложено.

А не въ дальнемъ разстояніи отъ того рогу Шараю, на небольшомъ островѣ на морѣ, построена полата каменная круглая, и тутъ море вельми глыбоко, а зовутъ ту полату Хискуляты, спрѣчь жилье дѣвическое, и сказываютъ, что

тое полату построила дочь нѣкотораго Цесаря Греческаго, и жила въ ней до смерти въ дѣвствѣ, и есть въ ней на исподѣ трое жилья, съ которыхъ кругомъ на море видно, а нонѣ тамъ безперечь живутъ по четыре человѣка на караулѣ, и имѣютъ тамъ три пушки, а въ серодкѣ тое полаты выходитъ источникъ воды, вельми чистое и здоровое, а та вода такъ холодна, что ея пить не возможно, покамѣсть въ судна отъ солнца не нагрѣетце. Подлѣ тое воды стоитъ дерево оливное, всегда зеленое, и по всякъ годъ бываетъ на немъ овощь. А когда Цесарь кого прикажетъ утопить, то его тамъ везутъ и связавши руки и ноги, кинутъ его съ верху въ моря.

А чтобъ запасъ всегда про Цесарскій дворъ, и про его войско готовъ былъ, во всякой нуждѣ, и на то есть въ Царьградѣ, а наипаче въ Галатѣ всякаго хлѣба анбаровъ до колько сотъ, а тотъ хлѣбъ въ три лѣта перемѣняютъ, и есть его столько, что войску Цесарскому лѣтъ на сколько довольно будетъ. А что анбары въ Галатѣ стоятъ, и въ тѣхъ только одинъ хлѣбъ пшоной, и за Амурата Цесаря продовано, а тотъ пшоно, которые сказывали, лежало осмьдесятъ лѣтъ, а было такъ чисто и цѣло, будто прошлогоднее, отнюдь ни мало не испортилось, воздухомъ ли благорастворнымъ, или, или инымъ каковымъ промысломъ то чинитце, что хлѣбъ чрезъ такъ долгое время не портитце,—того не вѣмы.

А что пороховъ и всякаго иного припасу воинскаго, многое множество имѣютъ, и не держатъ близко города на дворѣ пушечномъ, но вдаль отъ города въ Галатѣ, а порохи привозятъ съ Капру, которые есть наилутчіе, оттѣляжъ и салътру (селитру) привозятъ, и имѣютъ того множество.

ГЛАВА XV.

О денежномъ дворѣ и рудахъ.

Цесарь Турецкій во всемъ своемъ Царствѣ одинъ только денежный дворъ имѣетъ въ Царьградѣ, въ самой серодкѣ, и тамъ всякіе мелкіе и большіе серебреные и золотые деньги дѣлаютъ. А не бываетъ тамъ начальниковъ иного народу, только Гречанинъ, и на то имѣютъ греки грамоты отъ многихъ Цесарей Турецкихъ потверженые, а то потому, что Цесарь не имѣетъ руды серебреной и золотой въ Европѣ, только въ Греческомъ Царствѣ, и коло руды Греки сами работаютъ, понеже Турки не обыкли въ таковыхъ трудѣхъ тяжкихъ работать.

А даетъ з двора денежнаго приставъ или начальникъ откупу на всякъ годъ по двадцати по шести тысячь червонныхъ золотыхъ, и по триста, а тотъ то начальникъ самъ отъ себя работниковъ наймываетъ, которыхъ всегда бываетъ по четыреста, а буде бы тотъ откупщикъ провѣдалъ о томъ, хтобы воровски деньги хто дѣлалъ или отрѣзывалъ, то таковаго по его челобитью, смертію казнятъ, а животы его оцѣня, половину берутъ на Цесаря, а половина откупщику, а откупщикъ долженъ на всякъ мѣсяцъ перваго дня дать въ казну Цесарскую своего дѣла денегъ десять тысячь червонныхъ золотыхъ въ Шарай, и отдать Казначею Цесарскому большому, или по нашему Боярину, который расходною казною вѣдаетъ, а двѣ тысячи денегъ серебреныхъ, и тѣми деньгами новыми даютъ всякаго чину въ Шарай людемъ, жалованье.

А чтобъ ему откупщику успѣть на всякой расходъ въ Шарай деньги отпущать, имѣетъ онъ вольность выдавать Указъ всѣмъ иноземцамъ торговымъ людемъ, чтобъ къ нему приносили на денежный дворъ свое деньги, съ которыми для

товаровъ въ Царьградъ приѣдетъ, а деньги берутъ серебреные большіе, а не мелкіе; а имъ платитъ мѣлкими Турецкими асприми; а съ тѣхъ иноземскихъ купленыхъ денегъ дѣлаетъ Турецкіе мелкіе деньги; а хтобъ въ три дни не объявитъ иноземскихъ денегъ, а онъ откупщикъ послѣ провѣдаетъ, и за то у него, который утаилъ деньги, всѣ животы опишутъ на Цесаря. Да тому же откупщику сребро и золото съ горъ Цесарскихъ вѣсомъ даютъ, а онъ съ того дѣлаетъ деньги и въ казну отдаетъ, себѣ съ тѣхъ же денегъ возметъ, что ему доведетце отъ дѣла.

Горы золотые, сирѣчь въ которыхъ руда золотая, въ Греческомъ Царствѣ наилутчіе, въ Македоніи, на горѣ святой названые, близь города именованнаго Цыдрокапсъ (Сидрокапсъ); другіе горы въ Венгрехъ, надъ рубежемъ Болгаріи. А въ самой Греціи на трехъ мѣстехъ имѣетъ горы серебреные богатые, а всюду около рудъ серебреныхъ и золотыхъ, работаютъ Греки.

ГЛАВА XVI.

Чимъ Цесарь упражняетце, и какъ выѣздитъ тѣшитце.

Цесарь Турскій, когда ни есть на войнѣ, тогда всегда живетъ въ Шараи большомъ въ Царьградѣ, временемъ тѣшитце въ дому, а временемъ о дѣлахъ большихъ Царственныхъ переговариваетъ, часто выѣдетъ въ поле и прогулянье, дабы народъ вѣдаючи о его пребываніи въ Царьградѣ, возмущеніе не чинилъ, и того ради на кони выѣдетъ, или по морю ѣздитъ и тѣшитце, временемъ малолюдно, да не трудитъ безпотребно своего воинства, временемъ многолюдно и съ великою гордостію, дабы и народъ и иноземцы видѣли его богатство и готовность войскъ.

И когда хочетъ смирно ѣхать тѣшитце, то по томъ познаютъ, что выходитъ съ комнатъ или полатъ своихъ въ той же одеждѣ, въ которой ходилъ дома, не перемѣняя ни завоя и ничего отнюдь отъ одеждъ, и тогда только любимые его спальники за нимъ поѣдутъ и свиухи, капитаны надворные, а пѣшіе предъ нимъ идутъ малые спальники, и локеи; а напередъ идетъ капитанъ справедливости, Турски его зовутъ Сей-баша (Сеитъ-Паша), а съ нимъ пятьдесятъ воиновъ, которые очищаютъ дорогу Цесарю, и велятъ месть (улицу) и удержуютъ всѣхъ, чтобъ не заѣхали дороги Цесарю, и приказываютъ, чтобъ всѣ кланялись въ землю, когда Цесарь поѣдетъ. И въ такой чести имѣютъ Бусурмане своего Цесаря, что куда проѣдетъ, то и стопы конскіе, на которомъ самъ сѣде, цѣлуютъ и почитаютъ собѣ за святобливую учынность, иные велятъ себѣ жилы просѣкати на рукахъ, и поднявши руки предъ нимъ, являютъ любовь свою, что готови кровь свою за его честь пролить, когда онъ велитъ, а крови не остановляютъ пока онъ проѣдетъ; а иные обнажившися до пояса, и ставши на такомъ мѣстѣ высокомъ, чтобы Цесарю видно было, желѣзомъ розженнымъ, по бокамъ и по персямъ, сами себѣ жгутъ, а онъ ихъ за то даритъ чимъ, мѣсто милостыни. А то чинятъ только люди простыя, а Бояре и иные люди честные, того не дѣлаютъ. Предъ его конемъ ѣдутъ, конюшей капитанъ надъ Чаушами, сирѣчь посланникамъ, капитанъ надъ спальниками малыми, капитанъ надъ одверными, капитанъ надъ каморниками, четыре капитана надъ Янычарами, которыхъ зовутъ Дия басса (дели-баша), а съ башовъ великихъ, сирѣчь бояръ не ѣдетъ ни одинъ, около коня идутъ сорокъ пеховъ, капиговъ, и солаховъ, одоль, а предъ конемъ его самымъ, идетъ осмь человѣкъ, а зовутъ ихъ капиги, а по сторонамъ подлѣ коня, идетъ осмь человѣкъ такъ великихъ, что не малъ ровняютце по рамена Цесарю, на коню сидячему, а зовутъ ихъ солахи, и на то нарочно ищутъ во всемъ Царствѣ его людей великихъ и дюжихъ, и тѣ

отбирають челобитные отъ народа, хто въ то время подаетъ, а два такихъ же солаховъ, несутъ въ золотыхъ ѳляшкахъ, каменьями дорогими обложенныхъ, водки избранные про Цесаря, чтобъ онъ когда откуль почуетъ смрадъ какой, закропилсе тѣми водками, а тѣ фляшки всякъ по одной, въ мѣшкахъ золотомъ шитыхъ и жемчугомъ вельми дорогихъ.

Иные всѣ, которые около Цесаря идутъ въ золотыхъ шапкахъ, несутъ въ рукахъ лукъ и стрѣлы, а послѣ ихъ на концѣ, идутъ карлы, шуты, евнухи и малые хлопцы. Всѣхъ людей, которые съ Цесаремъ выходятъ, когда смирно идетъ на прогулянье, бываетъ триста человѣкъ. А когда ѣдетъ на море, имѣетъ окрентъ, на то собенный, Буцентаврусъ називанный. Вызолоченъ весь и дѣломъ искуснымъ спицерскимъ здѣланъ, по шестнадцати лавокъ по сторонамъ, на тѣхъ сидятъ невольники, которые гребутъ опоцнями (веслами), по три человѣка ко всякой, а на тѣхъ невольникахъ шапки красные и рубашки тожъ, подобіемъ маринаровъ, а шаровары имѣютъ бѣлые, тѣми невольниками вѣдаетъ огородникъ, старшій, именованный бустанги-баша, и тотъ бустанги-баша самъ на тотъ часъ стоитъ на кормѣ, когда Цесарь по морю ѣздитъ, а той у Цесаря за плечьми; а онъ сѣдитъ на мѣстѣ нарочно сдѣланномъ, и тогда съ Цесаремъ разговариваючи, много себѣ и инымъ упрашиваетъ, понеже тамъ только двое ихъ, назадѣ окренту бываютъ; а надъ мѣстомъ здѣлана кровля, и выбита коврами шелковыми, золотомъ тканами, вельми дорогими, и тюфяки на нискихъ лавкахъ посланы, златоглавомъ покрыто, на которыхъ Цесарь сѣдитъ или лежитъ, какъ ему покажетце. И того ради, тотъ бустангабаша въ чести великой у Турковъ, потому что, чрезъ нево много у Цесаря упрашиваютъ.

А на другомъ концу того окрента напереди, стоятъ его любимые спальники, которые съ нимъ всегда ѣздятъ на прогулянье, когда и на конѣ проѣдетъ за городъ, предъ окрентомъ Цесарскимъ какъ изъ лука стрѣлить, четыре чайки

великихъ, которые велятъ на сторону, суднамъ великимъ и малымъ, чтобъ съ Цесаремъ не встрѣчались.

А когда Цесарь, гдѣ со многолюдствомъ на погулянѣ, дабы иноземцы видѣли и подданные знали, и почитали со страхомъ, яко Царя, то велитъ приказать своимъ всѣмъ дворовымъ, построитце богато, самъ уберетца въ дорогіе одежды, и ѣдетъ изъ Шараю чрезъ весь градъ къ воротамъ Адріанопольскимъ, а тѣми вороты выѣхавши, ѣде въ палату, въ огородѣ построеннную, за три версты отъ Царьграда; а тамъ всякіе имѣетъ утѣхи, и забавитце тамъ весь день, а иногда и ночуетъ. Передъ нимъ ѣдетъ пятнадцать тысячь воиновъ избранныхъ съ различнымъ оружіемъ, вельми стройно, а иногдѣ передъ нимъ ѣдетъ сто пятьдесятъ тысячь, кромѣ Янычаръ и пѣхоты и иное, и бываетъ ихъ многое множество, а всѣмъ имъ приказываитъ въ вечеръ, чтобъ по утру предъ Сарай сходились Цесаря самаго, а наипаче такъ многолюдно выѣздилъ Амуратъ Султанъ, когда готовился на войну противъ Персовъ, обаче и утѣснилъ въ той войнѣ Персовъ, и побралъ много Княвствъ и городовъ славныхъ Перскихъ.

ГЛАВА XVII.

О упражненіи Цесаря въ Шараю.

Цесарь Турецкій, когда рано встанетъ, а встаетъ всегда на восходѣ солнца, понеже та пора приказана отъ Махомета на молитву, полчаса молитце, а полчаса пишя и заразъ ему приносятъ ѣсть конфекты, перники и иные соки. Послѣ въ книгохранительницы часъ читаетъ, а вышовши съ библіотеки, сирѣчь книгохранительницы, слушаетъ судей, которые судили на Дыванѣ, а когда Дыванъ не бываетъ, то са-

маго только везиря о дѣлахъ докладываетъ, слушаетъ понеже везирь всякіе по всѣмъ Царствѣ дѣла вѣдаетъ, а отслушавши прохожаетце по огородахъ и тѣшитце съ карлами и шутами своими, покамѣсть приспѣетъ время обѣда.

А когда велитъ давать ѣсть (и ничего не говоря) умываетце съ наливки золотое, дорогими каменьми осаженое, которая всегда стоитъ полна воды, съ различнымъ благоуханіемъ, понеже по закону Махометову, часто умываетце, а садитце ѣсть самъ только одинъ, и сидитъ больше получаса; ѣства вся такъ приварена, что и безъ ножа можетъ ѣсть, а не пьетъ, только разъ, послѣ обѣда, и выпьетъ чашу въ полъ кварты сорбету. Наѣвшысе, идетъ молитце, понеже Турки и въ полдни, а не только рано и въ вечеръ молятца, а на молитвѣ полчаса стоитъ, а послѣ идетъ въ палаты женскіе, или въ огороды ихъ прохаживатце, а когда хоче пойтить къ нимъ, то преже после мурина скопца, къ старой женщинѣ, которая вѣдаетъ всѣми, даючи вѣсть, что самъ идетъ, а зовутъ бабу тую хіадонъ, а мурины или арапы стоятъ всегда на караулѣ предъ тымъ Шараемъ, гдѣ живутъ жены его, а та старая баба всѣмъ вѣсть подаетъ, что Цесарь хочетъ быть, и прикаже имъ всѣмъ стройно учинитце, а построившисе, всѣ соберутце въ одну большую палату, чрезъ которую пойде Цесарь; а тамъ, иные будутъ шить, иные шелковые рукавички дѣлать, иные травы дѣлаютъ шолковъ всякихъ, иные играютъ на различныхъ играхъ, иные поютъ, покамѣсть Цесарь прійдетъ, а когда увидѣтъ, что идетъ, все покинутъ и станутъ у два ряда чрезъ палату, и когда входитъ, всѣ ему кланяютце низко, а старшая выходитъ за двери полаты свое, и когда приходитъ, поклонитце ему низко, и ведутъ его въ полату, гдѣ дѣвицы собраны, а онѣ всѣ вдругъ поклонясе Цесарю (а стоятъ одна отъ другой одаль), послѣ идутъ кланятце ему по двѣ, и станутъ по прежнему, а онъ прохажаетца промежъ ихъ и присматрюетце имъ, и пройде разы два или три, присматрюяся, которая ему полюбитце, и когда изберетъ себѣ кото-

рую, то на тую кинетъ платъ свой, который онъ на то въ рукѣ держитъ, а она принявши платъ, поклонитце, и поцѣловавши платъ, повѣситъ его на шыи своей, и то уже презначаетъ, что ея въ ту ночь возметъ къ себѣ на постелю свою. А Цесарь тотъ часъ отходитъ въ палаты своѣ, а старшая проводитъ его до дверей, подлѣ которыхъ стоятъ арапы. Цесарь оттоль идетъ въ книгохранительницу и прочитаетъ малое время или прохажаетце по огородамъ, или шутами и глухими забавляетце, покамѣсть прійде время молитвы вечерней, а послѣ того вечеряетъ, и сѣдитъ при вечери два часа; послѣ вечери говоритъ молитвы своѣ, которыхъ никогда не оставляетъ и идетъ спать.

ГЛАВА XVIII.

О женахъ и иныхъ женска полу въ Шараи.

Цесари Турецкіе не усматриваютъ того, чтобы жены брать породы Царской, какъ прочіе Монархи, и обираютъ себѣ невольницъ, которые имъ полюбитце, понеже много женъ имѣетъ, и того не смотрятъ какое породы, вѣры или языка, а только смотряетъ, чтобы была красна лицемъ и благообразна, понеже за наибольшее себѣ почитаютъ щастіе телесность (плотоугодіе), которую имъ не вмѣнилъ за грѣхъ нечистой ихъ пророкъ Махометъ.

А того ради, купуютъ и на войнахъ берутъ, а у подданныхъ своихъ насильно отнимаютъ дѣвицы, што ни лучшіе Цесарю (и нонѣшнихъ недавнихъ временъ, когда Канею городъ въ Критѣ турки осѣли, баша, выбравши что ни лутчихъ сто дѣвицъ, пославъ за даръ Цесарю. Изъ тыхъ послѣднѣйшія, будутъ служебными, у Цесаревыхъ солтанъ, а иные по разсужденіи старшое, которые ей повидетце достойны ложа

Цесарскаго, будутъ хованы въ Шараю Цесарскомъ, которыхъ онъ самъ всѣхъ, прежъ осмотритъ, а когда какъ въ прежней главѣ описано, изберетъ себѣ Цесарь пришедши въ жилье дѣвицъ, которую съ нихъ и хустку на нее кинетъ, выходитъ въ свое жилье собенное, оттеля всѣ иные дѣвицы, идутъ ее цѣловать, которую себѣ Цесарь избралъ, а наипаче товарки ее съ которыми любезно жила, и здравствуютъ ей такого щастья, что сподобилась достойна быть ложа Цесарскаго, и просятъ ее, чтобы ихъ не забывала, и была къ нимъ милостива, когда будетъ жоною Цесарскою. Приходитъ, Цесаря проводивши, старшая къ той то дѣвице, которую собѣ Цесарь излюбилъ, и великою честiю ведетъ ее въ баню; а тамъ вода со всякимъ благовонiемъ устроена, въ которой она мыетце, а когда выйдетъ съ бани, даютъ ей платье, тожъ благопрiятными вонями накраплено, и учатъ ее, какъ поступать, когда къ Цесарю прiиде, сказываючи ей, что въ великой чести будетъ, когда ея Цесарь улюбитъ; послѣ поставляютъ предъ нею вечерю, не такъ какъ прежe бывала, по честiю Царскою, и изобилiемъ многимъ. А когда Цезарь иде спать, ведутъ ее въ палату къ нему со свѣчами, въ томъ же Шараю, гдѣ живутъ женскаго полу, дѣвицы и жоны его, и тутъ у него сорокъ собенныхъ палатъ или покоевъ. А тамъ ему не служатъ мущины, только женскiй полъ, а приведши ее въ спальню, сама старшая раздѣваетъ ее, а когда ляжитъ на ложи, вѣстно чинятъ Цесарю, а онъ тожъ раздѣваетце въ собенной каморѣ, а какъ войдетъ въ спальню, старшая покланяся ему, отходитъ, и оставляетъ тамъ три бабы. А съ тѣхъ одна стоитъ за дверьми первыми во всю ночь, не ступя съ мѣста никуды (а въ передней предъ спальнею, во всѣхъ углахъ, на серебреныхъ великихъ шанданахъ, горятъ свѣчи большiе, во всю ночь), другая баба стоитъ по серединѣ передней, а третья, предъ спальнею близко; а тѣ три бабы, стоятъ по три часа; послѣ, и иные приходятъ, стоятъ по трижъ часа, слушаютъ, не спроситъ-ли чего Цесарь; а когда Цесарь встанетъ и идетъ

въ собенную камору убиратце, она лежитъ на постели, покамѣсть старшая прiидетъ съ служебными, и поведутъ ее въ иное жилье, а не тамъ гдѣ преже жила и уже ее зовутъ Солтана. И въ тотъ часъ напишутъ ее въ книги казенные, и имѣетъ на расходъ съ казны, по всякъ годъ три тысячи двѣсти шестьдесятъ четыре червонныхъ золотыхъ, и придадутъ служебницъ четыре: двѣ собенно, что ворятъ кушанье и арапа одного скопца, а отъ Цесаря тогожъ времене, когда оденетце, въ мешечку золотомъ, принесутъ къ ней три тысячи червонныхъ золотыхъ.

А буде полюбитце Цесарю, и возметъ себѣ на другую ночь, то напишутъ въ казнѣ, вдвое того денегъ на ее расходъ, и придадутъ еще четыре служебницы, и другаго Арапа; а въ мешечку, какъ и прежде того принесутъ три тысячи червонныхъ; а уже оттоль зовутъ ее Царицею; а буде и третiю ночь, возметъ къ себѣ Цесарь, то пошлетъ къ ней корону, каменiемъ многоцѣннымъ высаженую, и уже имѣть будетъ служебныхъ много, и всякое довольство, а съ казны выдаютъ въ годъ по двадцати тысячь червонныхъ золотыхъ, и мѣсто построютъ, чтобъ на немъ сидѣла, какъ жена Цесарская. И такiе жоны Цесарскiе, много даютъ чародѣемъ чтобъ ихъ Цесарь любилъ, а чародѣеве учатъ ихъ, какъ поступать, чтобъ Цесарю любимыми были, и какъ его очаровать, чтобъ больше той денегъ давалъ, а збогатясе, идетъ за котораго Башу замужъ.

А такихъ его жонъ, которыхъ имѣетъ много, когда ему, которая родитъ сына, присылаетъ къ ней Цесарь пять тысячь червонныхъ золотыхъ, въ золотомъ мешечку, и годоваго окладу прибавитъ сколько ему покажетце; и придаетъ мамку, сирѣчь кормилицу; а буде дочь родитъ, не прибавляетъ годоваго окладу, только даетъ мамку, да три тысячи червонныхъ золотыхъ пришлетъ; обаче, онѣ лутче радуютце, когда родятъ дочери, нежели сыну, понеже, когда Цесарь умретъ, то сынъ большой, ставши Цесаремъ, инѣхъ всѣхъ братiю

свою, велитъ подавить, а дочки Царскіе, идутъ замужъ за Башовъ, и матки ихъ такожъ, которыхъ Турки вельми почитаютъ, хотя изъ Шараю выйдутъ. А къ тому дочери Цесарскіе живутъ при маткахъ, а сыномъ, когда минетъ шесть лѣтъ, берутъ ихъ отъ матокъ и держатъ особно, съ учительми; матки ихъ не видаютъ, только четыре раза въ годъ; дочери свое, выдаетъ Цесарь во осмнадцатомъ году, а приданаго даетъ всякой, осемъ кротъ сто тысечь (800,000) червонныхъ золотыхъ; окромѣ того, укажетъ, по ее смерть, всякой пятьдесятъ тысячь червонныхъ золотыхъ съ казны, по всякъ годъ, и приходятъ временемъ посѣщать отца, а когда отецъ умретъ, а братъ Царство пріиметъ, то и къ брату приходятъ посѣщать его, а онъ всегда даритъ, чѣмъ ему покажетце.

ГЛАВА XIX.

О милостыни и набожности его Басурманской.

По всякъ день, когда вставши Цесарь идетъ молитце, кидастъ деньги по земли въ тѣхъ палатахъ, чрез которые идетъ въ мосхею, сирѣчь божницу молитце, дабы кто знайде имѣлъ отъ него, вмѣсто милостыни, а наипаче по пятницамъ посылаетъ милостыню съ Шараю нищимъ и попомъ своимъ, и хто ему любъ спальниковъ, даритъ чѣмъ нибудь, а иногда выкупаетъ изъ тюрьмы своими деньгами за долгъ посаженыхъ, а наипаче въ празники годовые, и по тюрьмамъ милостыню посылаетъ, и муфтему, которой у нихъ наибольшіи между попами дары даетъ богатые, такожде учителю своему, которой его молодаго училъ, а зовутъ его одiа и Емиръ Фенду (Ефенди), сирѣчь намѣстнику, о которомъ сказываютъ, что идетъ отъ Махмета, и того ради носитъ на головѣ завой и шаты или платье зеленое, въ какихъ ни кому иного-

дитце ходить у Турковъ. Обаче въ Государствѣ Турецкомъ, по инымъ городомъ, много такихъ есть, что ходятъ въ зеленомъ, а наипаче въ Аравіи и въ Египтѣ; а тѣ всѣ сказываютце, что идутъ отъ рода Махометова, а надо всѣми тыми старшіи тотъ Емиръ Ефенди, а прочихъ, которые ходятъ въ зеленомъ, зовутъ сантонами, спрѣчь святыми; а всякъ носитъ четки долгіе въ рукахъ, будто молитце по нихъ; а всегда ходятъ босо, и почитаютъ ихъ, яко святыхъ, а онѣ самые безчинники. А между тѣми то сантонами больши есть слѣпыхъ, а то потому, что имъ выпаляютъ очи, когда къ Мехе (Меккѣ) молитце (ходятъ) гробу Махметову, чтобъ слѣпыми будучи Махомета ради, не смотрили на прелесть мирскую, и не прельщались тлѣннымъ имѣніемъ, но все оставивши, жили милостынею. Се, и діяволъ имать своихъ мучениковъ и иноковъ, будто подражая церкви Божіей, въ которой Бога ради, всё оставляютъ люди богоугодные; а тѣ то сантоны, живутъ весь вѣкъ свой милостынею, и вѣрятъ имъ во всемъ Турки, какъ святымъ будто людемъ; а когда за кимъ свѣтьчитъ тотъ сантонъ, паче же шайтанъ, то уже тотъ не потерястъ дѣла, понеже свидѣтельство его, паче тридесяти мірскихъ достовѣрнѣйше есть, и аще бы всѣмъ извѣстно было, что онъ не право свидѣтельствовалъ, то оставить невозможно отнюдь. И того ради многіе ихъ за свидѣтелей приводятъ, понеже противъ его судья востать не можетъ, по закону Махометову, а когда съ тѣхъ, который здохнетъ, опрично его въ мосхеи погребутъ, и во святыхъ его почитаютъ.

Посылаетъ Цесарь часто матцѣ своей дары, которыя въ собенной живетъ палатѣ, а не въ Шараю, понеже, когда умретъ мужъ ее Цесарь, тотчасъ выходитъ съ Шараю; обаче сынъ ее вельми почитаетъ, и вольно ей посѣщать сына и бываетъ въ Шараю, всякаго мѣсяца единожды, посѣщаючи сына, и аще будетъ боленъ, то она живетъ при немъ, покамѣсть оздоровѣетъ; буде матка занеможетъ, то Цесарь ѣздитъ

въ домъ къ ней посѣщать, а буде умираетъ, то ѣдетъ благословеніе отъ нее принять.

Муфты который есть набольшимъ въ законѣ Махометовомъ, въ великой есть чести у Цесаря, а имѣетъ приходу на всякъ день пятьсотъ золотыхъ, а держитъ на дворѣ своемъ, много своихъ сродственныхъ, и имѣетъ къ тому великіе доходы за разрѣшенье, а наипаче, когда хто распущаетце съ женою, и какъ онъ осудитъ, то уже непремѣнно такъ будетъ а и во всякихъ дѣлахъ мірскихъ, къ нему прибѣгаютъ, не только въ Царьградѣ, но и со всего Царства, мня о немъ, что онъ наисвятѣйшимъ будучи въ законѣ Махометовомъ, вправду всякое дѣло разсужаетъ.

А честь ему отъ Цесаря великая, понеже кромѣ его и учителя своего, Цесарь ни предъ кѣмъ отнюдь не встанетъ; обаче ни въ равной чести учитель и муѳтіи; понеже муѳтему Цесарь руку целуетъ въ годъ дважды и благословеніе отъ него пріимаетъ, а учителю только руку подаетъ свою, а цѣловать ее не даетъ. А то дважды въ годъ, въ празники нѣкоторые и своимъ евнухомъ, сирѣчь скопцамъ, даетъ милостыню своею рукою, и всѣмъ своимъ султаномъ, которыхъ вышовши съ Мосхеи, въ тые два празника посѣщаетъ и всякой даетъ даръ, по своему изволенію, иной больше, другой меньше. А починаетъ дары роздавать отъ той, которая ему перваго сына породила, а зовутъ ее Азохихе, сирѣчь Цесарева, и того ради она вольна, и не подобаетъ ее Царю звать невольницею, какъ протчихъ, которые аще и подарены Цесарю отъ кого, обаче невольницами его суть, какъ и тѣ, что за деньги куплены, того ради, что Цесарь, тому хто ихъ ему подаритъ, дары ему такожс посылаетъ и почитаетъ ее за купленную, которая аще породитъ ему сына, преже иныхъ, то предъ обрѣзаніемъ, ее съ книгъ, промежъ невольницъ написанную, вымажутъ, и есть вольна, и записуютъ ее Царицею, а то чести ради и вѣдомости всѣмъ, и въ тотъ часъ

прописують на приданое, буде похочетъ за кого замужъ, пять тысячь червонныхъ золотыхъ, на всякъ годъ до смерти.

ГЛАВА XX.

О Хоробѣ (болѣзни) и смерти Цесаря Турецкаго.

Когда Цесарь занеможетъ, то всѣ лекари, сколько ихъ буде у него, сойдутце вмѣсть, и идутъ вдругъ его посѣщать, а буде вельми неможе, то имъ въ палатахъ Цесарскихъ всѣмъ, отведутъ собенно всякому жилье, и придаютъ всякому по два человѣка, что имъ служатъ, а выходить имъ изъ Шараю не вольно, покамѣсть Цесарь обможетце; а буде Цесарь въ той немощи умретъ, то уже больши того лѣкаревъ тѣхъ никто не увидитъ, развѣ сами дворяне его, непріязны ему будутъ; церуликовъ тамъ не спрашиваютъ изъ города, потому что спальники его, что надобно сами здѣлаютъ, и онѣ ему кровъ пущаютъ сами, банки ставятъ, голятъ, и всякіе язвы лѣчатъ; а лѣкари, хотя бы Цесарь и здоровъ былъ, должность ихъ, по три человѣка, сидѣть въ аптецѣ отъ утра до полудни, ожидаючи, не пришлетъ-ли по што Цесарь, а нѣтъ лѣкарей Цесарскихъ больше семи человѣкъ, а тѣ въ городѣ домы свое имѣютъ, а въ Шараю ни одинъ не живетъ.

Жоны Цесарскіе, когда, которая умретъ, то ни какова надъ ними пѣнія нѣтъ, только вечеромъ занесутъ трупъ и загребутъ въ землю; такожде и Цесарь самъ когда умретъ, то безовсякаго пѣнія спальники его несутъ въ Мосхею трупъ ночью и закопаютъ въ землѣ; милостыню за его душу, многіе раздаютъ послѣ, а тогоже дня большаго сына его ведутъ въ палаты отца его и здравствуютъ ему щастливаго Царства, и говорятъ ему, чтобъ управлялъ Царство, со многимъ тщаніемъ; о прешлые Цесари, часто гораздо въ вечеръ хаживали

по городу незапно, имѣючи при себѣ здалека караулъ предъ собою и за собою и по сторонамъ, чтобъ не въ догадъ никому, а сами присматривались, что въ городѣ дѣлаетце, и что народъ о нихъ говоритъ, и нѣтъ-ли какихъ зговоровъ или бунтовъ, и такъ ли всё есть, какъ ему начальные его о подданыхъ докладываютъ, и если добрый порядокъ промежъ подданными; а того довѣдываетце не знатно, съ простолюдиномъ какимъ въ разговоръ вступивши.

ГЛАВА XXI.

О постановленьи новаго Цесаря.

Когда Цесарь Турецкій имѣетъ сына, не обрѣзуетъ его, по закону Махометову, но въ трынадесятомъ году, и чинитъ тые крестины, чрезъ осемъ дней съ великою радостію, а наипаче, когда сынъ перворожденный, а послѣ посылаетъ его куда воеводою, дабы городами вѣдалъ, и разсуждалъ, а то того ради, что много хочетъ на Царство по себѣ духовною оставить; и то у нихъ крѣпко, аще по обыкновенію большій всегда на Царство восходитъ, а иныхъ свою братію убиваетъ, а буде большой сынъ умретъ, то тотъ, который подъ нимъ будетъ, вступуетъ на Царство; а провѣдавши о смерти отца своего, о которой ему даютъ вѣсть изъ Шараю, скоро только умретъ), незнатно бѣжитъ въ Царьградъ и ночью чрезъ огороды дверьми тайными входитъ въ Шарай, а боярове, которые его ждали, собравшисе, ведутъ его въ комнату и здравствуютъ ему Царство, а онъ тотчасъ вскорѣ посылаетъ всѣхъ братовъ своихъ по забивать, и тыхъ, которые въ Шараю, и которые гдѣ на воеводствахъ, а буде похочутъ боронитце, войско заразъ противъ нихъ посылаетъ.

А во время Царствованія Баязета втораго, который имѣлъ четырехъ сыновъ, всѣ четверо на Царство тщались и забиватце не дались, еще отцу живу сущу, повоевали промежъ себѣ; и поймавши Салимъ трехъ братовъ своихъ, попозабивалъ, а отца отравою уморивъ, а самъ сильно на Царство вступивъ. Также Солимановы три сыны воевали промежъ собою, всякъ хотѣлъ Царемъ быть, еще при животѣ отца своего, и забивши одинъ двухъ а боячыся отца своего, утеклъ былъ до Короля Перскаго, которой его отослалъ ко отцу, понеже ему войною грозилъ, если бы его не выдалъ; а скоро его привезено, заразъ ево велѣлъ удавить, чтобъ царствовалъ по немъ сынъ его меньшей Селимъ вторый; потомъ Солтанъ Амуратъ, заставши Цесаремъ, не хотѣлъ забивать братьи своей, которыхъ было девять, нарочно задержалъ, осмнадесять часовъ не осуждаючи ихъ на смерть, дабы тѣмъ временемъ поутекали съ Шараю, и не велѣлъ о своемъ пріѣздѣ сказывать въ городѣ никому, дабы о томъ съ Муѳтемъ и учителемъ своимъ подумалъ, которые ему сказали, что не возможно преступить закона Махометова, и почалъ слезно и горько плакати, а послѣ позвавши глуховъ своихъ далъ имъ своею рукою девять платовъ дорогихъ бумажныхъ и показавъ старшему глуху отца своего мертваго, дабы тожъ и братьи его учинили, какова отца видятъ. А третьяго дня, когда братью повыгубитъ, великій дыванъ судитце бываетъ, на которыи сходетце всѣ Баши, которые на тотъ часъ въ Царьградѣ будутъ, и иные всѣ начальные, а Цесарь нововыбранный, въ концу тое палаты, гдѣ онѣ сидятъ въ каморкѣ, съ окошка черезъ рѣшетку смотря на нихъ съ верху, слушаетъ, что которой станетъ говорить, а его не одинъ отъ нихъ не видитъ; а когда уже совѣты или переговоры докончаютъ, идутъ Цесарю всѣ отдавать послушенство и вѣрность Цесарю, по четыре вдругъ къ нему приходя, а ни единъ съ нихъ ничево не проговоритъ, только на колѣнахъ ставши, одинъ по другомъ одежду его цѣлуютъ, и иными дверьми тотчасъ

выходятъ. Послѣ того Цесарь садитце тотчасъ обѣдать одинъ только, а тѣ всѣ начальные, идутъ въ ту палату, гдѣ сидѣли на дыванѣ, и сядутъ за столъ, и тамъ принесутъ ѣствы, а онѣ съ радостiю пьютъ и ѣдятъ тамъ недолго, потому что Цесарь наѣвшысе, заразъ на коню стройно убранномъ ѣдетъ чрезъ городъ, являючи себе народу, что уже есть Цесаремъ, и ѣдетъ въ Мосхею, гдѣ его прородители лежатъ, слушаетъ казанья или ученья славнаго, котораго учителя, а той конча ученье, семъ разъ благословитъ Цесаря, дабы щастливо царствовалъ, а народъ весь по всякомъ благословенiи говорятъ: аминь, аминь. Послѣ выходитъ съ мѣста своего муѳтiи набольшей Баламутъ Махометанскiи, будто Патрiархъ благословитъ его разъ только и здравствуетъ, а народъ весь крикнетъ: аминь, аминь.

А послѣ того народъ весь въ другой крикнетъ: «да благословитъ тебѣ Богъ, Цесарь нашъ и Махометъ Пророкъ его, да щасливо и долголѣтно царствуеши намъ», а Цесарь тотчасъ выходитъ съ божницы и садитце на коня и ѣдетъ въ Шарай, другою, а не тою, которою улицею прiѣхалъ. Пятаго дня, по поставленiи своемъ, садитце въ окрентъ свой, названный Буцентаврусъ и ѣдетъ моремъ до одного огорода, недалеко пушечнаго двора, а тотъ огородъ зовутъ А с с е х е р і и, сирѣчь огородъ роскоши, а тамъ всѣвши на коня, ѣдетъ въ полеванье дабы моглъ того дня, какого нибудь звѣря уловить и забить своею рукою, а съ того угадываетъ, что своихъ непрiятелей буде побѣждать.

Съ поля вернувшесе, ѣдетъ на дворъ пушечный, а тамъ его прiимуетъ Капитанъ Баша, сирѣчь Гетманъ морскiи, а тотъ ему сказуетъ, чого надобно въ пушечной дворъ, и въ какомъ порядку войско морское, и што съ нимъ дѣла, на которую сторону войну поднять, а когда вернетце въ Шараи, идетъ къ нему Везирь великiй, а тотъ ему вкратцѣ скажетъ обо всемъ, что въ Царствѣ его дѣлаетце, и скажетъ ему, какъ поступать, чтобъ страшенъ окольнымъ Царствомъ былъ.

А черезъ тѣ пять дней великую казну роздаетъ, кидаючи промежъ народа когда ѣдетъ, и милостыни до богодѣлень, монастырей своихъ и учителей всѣхъ посылаючи. Амуратъ четвертый по своемъ поставленіи роздалъ больше нежели четыре кротъ сто тысячь червонныхъ золотыхъ. По пяти дняхъ, посѣщаютъ его сродственные его женскаго полу, и всякій даетъ сребро, золото, платье дорогое, а мужомъ ихъ различные достоинства, а тогда ему отказать негодитце, когда о чомъ кто свойственныхъ ему бьетъ челомъ.

ГЛАВА XXII.

О вѣрѣ Турецкой и законѣ Махометовомъ.

Весь законъ Махометовъ, которой описалъ онъ въ книгѣ одной Алкоранъ званой, на четыре раздѣляется части, отъ четырехъ его учениковъ раздѣленъ, которые сказываютъ наилутчими учительми въ его беззакономъ законѣ были. А зовутъ ихъ науку Дортъ Матгебъ, сирѣчь четыре уставы, или преданія першая Сиафей (Шафей), другая Канесвъ, третья Малехіи (Мавехи), четвертая Камъ былы. Въ одной учатъ нравовъ, въ другой поступковъ набоженства; въ третей, — только само супружество описано; въ четвертой — дѣлъ судныхъ учатъ.

А о тѣхъ уставахъ промежъ себя спорятъ, и не согласуютъ Басурмане, и другъ друга зовутъ еретиками, и уличаютъ, что тѣ четыре преданія не право толкуютъ, а того ради и вѣрятъ не право, оставивши правое толкованіе Алкорана Махометова.

А наипаче Персы и Срацины не навидятъ Турковъ, того ради, что Персы держатце преданія Галею (Али) зятя Махометова, которой еще за живота Махометова Алкоранъ его

толковалъ, и былъ намѣстникомъ его. А Турки, Татары и Арапы приняли науку двохъ учениковъ Махометовыхъ, которымъ онъ умираючи весь законъ вручилъ, а Тали въ то время не былъ дома, а зовутъ одного А б у б а х е р ъ (Абубекръ), а другого О м е р ъ (Омиръ), а тѣ не прiимаютъ переводу, или толкованiя его, и сами свое толкованiе на законъ Махометовъ написали. Персы ихъ уличаютъ, что они неправедно называютце наслѣдниками Махометовыми, и что имъ Махометъ не приказывалъ о законѣ своемъ ничего, умираючи.

И аще убо между собою въ чемъ не согласуютъ, обаче всѣ согласно десять заповѣдей Махометовыхъ соблюдаютъ. Первая заповѣдь—часто умыватце; другая – молитце; третья—почитать родителей; четвертая—о супружествѣ; пятая—о обрѣзанiю; шестая—о пособiи умершимъ душамъ; седьмая—о войнѣ; осьмая—о милостыни, девятая—о чести божницъ; о исповѣданiи единаго Бога.

Первая заповѣдь, приказалъ въ законѣ своемъ Махометъ, дабы ни хто не входилъ въ божницу, и дома не моливсе, не умывшесе, по закону, и обыкность отъ тѣхъ его четырехъ мудрыхъ учениковъ уставлена, которые его Алкоранъ на четыре части раздѣлили, и тѣ преданiя написали. И когда кто исходитъ, потребы ради, и онъ долженъ перво руки умыть въ водѣ чистой, омакивая по пульсы, поднимаючи къ верху, чтобъ вода стекала, четвертый разъ, пополоскавши поднять къ верху, чтобъ вода потекла до локтей; а послѣ помочитъ руками мокрыми локти только; пятой разъ, помочивши руки въ водѣ, умыть руки объ руку, и утереть ими очи, уста и носъ потягнуть, и помочивши два пальца большихъ, пустить воды въ уши, и умыть съ середины и съ верху; шестое, помочивши руки, доткнутся колѣнъ, перстовъ всѣхъ у ногъ, и пяты, руки омочивши, отреть рука объ руку, а послѣ утеретце полотенцемъ, а тое умыванье зовутъ своимъ языкомъ а б ъ д е с ъ (авдесъ); и того ради въ странахъ всходнихъ, идѣже великой зной, всѣ Махометане въ рубаш-

кахъ, съ широкими рукавами ходятъ, въ делеяхъ, подобіемъ рясъ, чтобъ имъ знатно локти омокать; а Турки, которые убораютце въ платье съ застеганьемъ, взяли разрѣшеніе отъ Муѳтаго, чтобъ имъ такъ не умыватце, какъ выше написано, а только умывши руки, локтей и колѣнъ, черезъ сукно, мокрою рукою дотыкатце, а хто бы такъ, по закону Махометову не умывшесе вшолъ въ Мосхею, а тобъ довелось на него подлинно, то за такое преступленіе закона Махометова, чрезъ весь городъ идучи, того то преступника, бьютъ шелепами не щадно, обаче поне по разсужденіи муфтаго, за ту вину, правятъ на такомъ деньги, почему онъ укажетъ. А хто въ другое, тожъ не умывшисе, противу закону согрѣшитъ, сирѣчь, пойде въ Мосхею, и такого посылаютъ на галеру, на урочные года; а будетъ тоже въ третее, преступитъ ту заповѣдь, и такого преступника, живаго сожгутъ, какъ явственнаго еретика и преступника закона Махометова, а буде хто за таковое закона преступленіе жалѣючи, пойде посѣтить гробъ Махометовъ, оттеля свидѣтельство (принесетъ), что тамъ былъ, то ему не только тотъ грѣхъ, но и всѣ иные отпущены будутъ; а понеже то ихъ такое умыванье есть имъ узаконено, того ради не строятъ тамъ своихъ божницъ, гдѣ бы воды не было. Другое преданіе Махометане имѣютъ нареченое Гемасъ, сирѣчь чинъ молитвы: когда умыетце по закону, долженъ входечи въ божницу, скинуть папучи предъ дверьми, и итти босо, или въ пончохахъ (чулкахъ), а вшовши, ниско со всякимъ смиреніемъ, поклонитце трижды въ землю противъ олтаря, и склонивши голову къ земли итить на мѣсто, гдѣ хочетъ стоять, а ставши на колѣнахъ, трижды въ землю чоломъ ударить, и землю поцѣловать, послѣ встать и стоечи молитву свою говорить, очи въ небо поднесши; а буде хочетъ на колѣнахъ стоятъ, то очи къ земли опустить, и голову преклонить, а всякъ долженъ, тайно или потиху молитце, чтобъ иному не мѣшалъ, самъ только иманъ (имамъ) или

попъ ихъ, голосно молитце, а за нимъ по тиху, а буде имана нѣтъ, то одинъ старшій говоритъ въ голосъ, а иные всѣ за нимъ въ голосъ, а при иманѣ голосно всѣмъ отнюдь не годитце, а по всякой молитвѣ седмь разъ долженъ всякой поклонясь, землю поцѣловать. Послѣ говорятъ нѣкоторые молитвы на часть Махомета и на прославленіе Алкорана, сирѣчь закона ихъ, а чрезъ все время молитвы, отнюдь негодитце никому ни съ кимъ говорить, а ни кашлянуть, развѣ въ платъ плюнуть, а не на землю, а на землю не годитце.

И прилучаетце въ Царьградѣ, что больши десяти тысячь будутъ людей въ Мосхеи, айя Софія, а такъ тихо, будто ни единаго человѣка тамъ нѣтъ, развѣ которую молитву иманъ въ голосъ говоритъ, а народъ за нимъ; такожъ скотинѣ тамъ, а ни песу войти не даютъ, а на то есть сторожа, чтобъ прилучаю песъ не вбѣгъ. А когда по молитвахъ выходитъ, хотяжъ ихъ тысячами было, одинъ къ другому проговорить не можетъ, развѣ вышовши за двери. Мосхеи ихъ всѣ въ срединѣ побѣлены, а нѣтъ никаковыхъ иконъ по стѣнамъ, ни письма, а къ полудни, гдѣ иманъ стоитъ, когда молитву говоритъ, есть подобіемъ палатки до половины здѣлано, а своды круглые подъ нимъ, а то въ память тое палатки, въ которой лежитъ Махометъ; по лѣвой рукѣ тоѣ палатки стоитъ амбонъ высокіи, на который иманъ всходитъ по степенямъ, когда имъ Алкоранъ читаетъ и молитвы, а наипаче по пятницамъ, понеже они мѣсто недѣли, празднуютъ пятницу; а въ углѣ самое божницы, есть мѣсто степенемъ вышшое, гдѣ стоятъ пѣвчіе, которые по иманѣ голосно молитвы говорятъ, а читаютъ по вся пятницы алкоранъ, сирѣчь преданіе Махометово, поколько главъ, а буде бы хто задремавъ, слушаючи поученіе, то у нихъ такое безчестіе, что такого уже въ мѣсецъ не пустятъ, развѣ пойде поклонитце Магометову гробу.

А выходя съ Мосхеи долженъ всякъ милостыню дать

нищимъ, подлѣ мосхеи сидячимъ, преже нежели въ домъ свой пойдетъ, а долженъ дать со смиреніемъ, не выговаряючи, чего ради не работаешъ и прочее, безъ укору, но самымъ только милосердіемъ принужденъ дать. А много такихъ, которые немало имѣютъ денегъ, а однако просятъ милостыни.

Женскаго полу никогда въ Мосхею, никому входить не годитце, дома молитце, не годитце войти въ ихъ мосхею ни единому христіанину, жиду, или иное каксе вѣры; кромѣ самыхъ Махометановъ, а будетъ бы хто хотѣлъ войти увидѣть, то о томъ надобно доложитце Имана, и дать ему подарокъ добрый, а если хто самъ войдетъ безъ повелѣнія Иманова, то его осудятъ спалить, буде не захочетъ потурчитце.

Долженъ всякъ Махометанинъ пять разъ на всякъ день молитце; а буде кому недосужно, то конча̀ (непремѣнно) два разы, рано и вечеръ, а буде за кѣмъ дѣло или служба какая нужная, что ему мало времени вольнаго, то хотя полденные молитвы отговорить, а хто бы чрезъ недѣлю не былъ въ Мосхеи, тотъ смертно грѣшитъ, развѣ на такомъ мѣстѣ будетъ, гдѣ Мосхеи не было бъ; разъ въ мѣсяцѣ долженъ всякъ поститце, о томъ преданіе въ Алкоранѣ, подъ проклятіемъ.

Третія заповѣдь Махометанская Гваледипъ Баяты, спрѣчь отдавать честь родителемъ, и вспомогать ихъ живностью, если будутъ нищи; а буде хто по басурманитце, а отецъ у него и матка Христіаня, а живутъ въ скудости, то долженъ всячески вспомогать ихъ.

Четвертое преданіе реченое Елимахъ, сохраненіе супружества, которое чинитце предъ Иманомъ, спрѣчь попомъ въ Мосхеи, и нѣкоторые тамъ надъ обоими молитвы говоритъ, также и за вѣдомостью Кади, спрѣчь судьи, а тотъ ихъ въ свое книги вписуе, а когда разводетце, то вымараетъ, а однако имъ вольно жить съ собою послѣ, буде она отшедши

отъ перваго мужа, не была за другимъ; такожде будетъ бы вышла за другого розведшисе съ первымъ, безъ вѣдомости кади, то бы за то была въ великомъ наказаніи.

Всѣ Махометане имѣютъ вольность женъ держать, сколько ихъ може прокормить, а понеже у нихъ жонъ наибольше невольницъ или купленыхъ, то скоро съ нимъ дитя приживетъ, тотъ часъ бываетъ вольна; и вписуетъ ее кади въ книги свое.

Пятая заповѣдь обрѣзаніе: всякъ мужескаго полу Турчинъ, обрѣзанъ быть долженъ, тринадцатаго году, на воспоминаніе Исаака сына Авраамоваго, которыи въ тѣхъ же лѣтѣхъ былъ обрѣзанъ, о которомъ онѣ мнятъ, что отъ его пошли, а есть у нихъ такая обыкность, когда сыновъ своихъ хотятъ обрѣзовать, то за недѣлю предъ тымъ починають потчивать своихъ сродниковъ и сосѣдъ своихъ, до дня того, котораго обрѣжутъ, а берутъ къ тому кумомъ хлопца необрѣзанаго.

Шестая заповѣдь негитилеръ каири, вспомогать или молитце за души умершихъ. Первое молитце за конаючого (умирающаго), съ Алкорана молитвы читаючи, а когда умретъ, омыть его, ногти обрѣзать, вложить на него рубашку новую, и пошить (зашить) своими руками, кадить около его, ноздри бумагою новою бавольною (хлопчатою) заткать. очи смѣжить, уши тожъ бумагою заткать, и нести ко гробу, или за тѣломъ итти и землею присыпать, а въ трупѣ или гробѣ ховать негодитце, только такъ въ земли, да исполнятъ Писаніе: «земля еси и въ землю пойдеши».

Богатые одиначе кладутся въ гробахъ мраморныхъ, насыпавши въ гробъ земли съ известью каменной на исподъ трупа и на верхъ, а за умершимъ идутъ многимъ собраніемъ, и молятце Богу, а скоро прибудутъ къ дверямъ божницы, поставятъ трупъ и поютъ одну короткую молитву, послѣ несутъ тамъ, гдѣ его хоронить, а тамъ ставши кругомъ ихъ иноки, поютъ покамѣсть загребутъ тѣло землею,

а свойственные сродники скоро засыпавши землею, идутъ въ домъ и пріятелей своихъ кормятъ, а только на томъ обѣдѣ ядятъ сочевицу, да яйца, твердо вареные, имѣютъ тую обыкность отъ жидовъ на память того, что какъ сочевице есть кругла и яйца, такъ и свѣтъ тотъ есть круглый, на которомъ человѣкъ кругомъ, теченіе свое совершивши, идетъ почнать новый животъ, такъ какъ Курча (цыпленокъ) съ яйца выходитъ, и зерно сочевицы обумерлое, много послѣ листковъ и зернъ сочевицы другое зродитъ.

Есть у нихъ обыкность и милостыню довать нищимъ чрезъ три дни въ дому умершаго, а даютъ хлѣбъ, мясо сырое и прочее, всякъ по силѣ.

Седмое приказаніе Хеаси лярдагусы, сирѣчь, дабы всякъ махометанинъ готовъ былъ на войну противъ тымъ, которые не приняли закона Махометова, а хто за вѣру ихъ умретъ тотъ почитанъ будетъ за мученика, а буде хто на вѣру Махометову намолитъ Христіанина или жида, или которое нибудь вѣры, то ему на подмогу долженъ дать половину животовъ своихъ, и за щастье то себѣ имѣютъ, хто за такого дочь свою выдастъ; а хто не имѣетъ дочери, а есть богатъ, то ему дастъ невольницу съ приданымъ добрымъ, чтобъ собѣ въ небѣ блаженство купилъ, и есть того много въ Царьградѣ, что вдовы богатые идутъ за своихъ невольниковъ, а велятъ имъ потурчитце, чтобъ то блаженство отъ Махомета преданое получили; а чтобъ тымъ больше христіанъ прельстили, постановили Цесари Турецкіе тотъ уставъ, чтобъ поддапные махометане не давали дочерей своихъ за Турковъ природныхъ, только за Потурkановъ; развѣ не будетъ на тотъ часъ потуркана, то тогда вольно выдать за Турчина; а то подъ виною не малою и казнію.

А тотъ указъ, чтобы былъ крѣпокъ, Солиманъ Цесарь самъ навернувъ на свою вѣру Басурманскую одного Грека, другаго Римлянина, третьяго жида, четвертаго Лютра, четыре одного дня свои дочери выдалъ за нихъ и далъ имъ прида-

наго много; обаче нонѣ не даютъ Потурчаномъ такъ много, развѣ сукнишку какую или лошадь, или денегъ что небольшое, понеже намножилось окаянныхъ, которые безъ всякое нужды, отступаютъ отъ вѣры Христіанской.

Осьмое преданіе Садаха, дабы всякъ тщалсе добрые дѣла творити всякимъ образомъ, си есть посѣщающи больныхъ, освобождаючи узниковъ, утѣшаючи оскорбленыхъ, вспомогаючи нищихъ, и всѣ иные добродѣтели исполняючи, а наипаче, дабы ни единъ день не преминувъ, что не далъ милостыни, елико по силѣ. А когда одинъ нищей, другаго встрѣтитъ, а разговорясь, познаетъ что того дня милостыни ему ни хто не подалъ, то одинъ другому сами даютъ, чтобъ въ томъ заповѣдь Махометову исполнить.

Девятая заповѣдь Месхетраты, си есть, чтобъ Мосхеи въ великой чести имѣли и всѣхъ, которые въ ней служатъ, къ божницамъ дороги очищали и украшали, градъ Махометовъ тожъ въ чести имѣли, и тѣхъ, которые къ нему ходятъ молитце. Дабы всякъ самъ тщился поклонитце гробу Махометову хотя одинъ разъ, чрезъ весь животъ свой, а буде самъ хто, какова ради препятія, не може посѣтить, то вмѣсто себя выслать человѣка, давши ему, что надобно денегъ на страву (пищу). И того ради съ Царьграда безперечь идутъ караваны (сирѣчь артели или юртъ) въ Меху (Мекку), а достатне люди всякъ за себя по многу посылаютъ, своею казною. А тѣ караваны въ подобное время, со всея державы Турецкіе, на тыя двѣ мѣста, собираютце въ Каиръ и въ Дамашокъ (Дамаскъ), чтобъ всѣ въ одну пору тамъ пришли. А тѣ, что съ Каиру выходятъ, въ мѣсяцъ тамъ поспѣваютъ, а зъ Дамашку въ два мѣсяца. И того ради преже Египетскихъ выходятъ, а ходятъ тамъ караваны изъ Персиды и отъ Короля Теканскаго и Морохицкаго, и многихъ Королевстъ Махометанскихъ. Обаче наибольше Цесарь Турецкій выдаетъ казны на то больше нежели милліонъ, си есть больше десяти кротъ сто тысячь червонныхъ золотыхъ. А понеже

тамъ пустынями несчистыми итти, гдѣ не машъ, а ни рѣки, ни колодязя, никакой воды, и того ради безмѣрною казною въ земли съ тесанаго каменя, велѣлъ прудцы по дорогамъ подѣлать, чтобъ въ нихъ вода дождовая съ горъ стекаючая держатце могла, ради тыхъ то богомольцовъ.

А понеже тая то каравана, только два раза въ годъ съ Царяградъ выходитъ, а хотятъ милость показать къ тымъ то путникомъ и вспоможенье въ дорогѣ, наймуетъ Цесарь про ихъ по вся разы десять тысячь велблюдовъ, чтобъ на нихъ собѣ живность везли, и которой устанетъ, чтобъ на велблюдѣ седя, опочилъ рядомъ въ четвертой день, понеже ѣхать тамъ негодитце, только пѣшее идутъ.

Десятая заповѣдь названа Ахадутъ, исповѣдать божество со смиреніемъ, что только одинъ есть Богъ, и что семьдесятъ тысячь было Пророковъ на свѣтѣ, и Махометъ былъ между ними набольшіи, послѣ его Моисей, а послѣ Спаситель нашъ Христосъ Господь, и что Моисей бесѣдовалъ зъ Богомъ, такожъ вѣрить, что Іисусъ Христосъ зачался отъ Дѣвы Маріи презъ (чрезъ) Духа Святаго, вѣрить и то, что Махометъ есть истиннымъ посланникомъ Божіимъ, ктому должны исповѣдать, что всякъ Цесарь Турецкій, который идетъ отъ рода Отоманового, есть истиннымъ образомъ Махометовымъ, и его намѣстникомъ, такъ въ духовныхъ, яко и въ мірскихъ дѣлахъ, и того ради должны всѣ Бога просить за него, чтобъ ему во всемъ щастилось, и должны ему во всемъ повиноватце, и то вѣрить, что умираючіе за его честь всѣ просто, яко мученики идутъ въ небо.

ГЛАВА XXIII.

О посѣщеніи гроба Махометова.

Воспомянухомъ преже, что всякой Махометанъ долженъ хотя разъ только гробу Махометову поклонитце, а буде самому не возможно, то иного за себя своими деньгами выслать, и того ради множество безчисленное того поганства со всѣхъ сторонъ волочетце, а Короли имѣютъ то собѣ за великую добродѣтель, когда имъ въ такой дорогѣ, вспоможенье какое дѣлаютъ. Цесарь Турецкій кромѣ того, что тымъ то богомольцомъ наймуетъ подводы, въ годъ по десяти тысячь, но и живность имъ обмышляетъ, чрезъ всѣ мѣста пустые, аще и не даромъ имъ даетъ, единаче промышляетъ, чтобъ на всякомъ стану было у кого купить и наймуетъ Цесарь подрядчиковъ въ Каирѣ и въ Дамашку, чтобъ живность везли за ними, и продавали имъ потому, почему всякую вещь продаютъ дома, а Цесарь за то платитъ имъ опричокъ, а тѣ то подрятчики на его Царскихъ ѣдутъ подводахъ, а должны ѣхать съ ними къ самой Мосхеи, а тамъ когда пріѣдутъ, даютъ имъ чрезъ осмъ дней ѣсть за половину цѣны, какъ въ дорогѣ продавали, а на то у нихъ уговоръ и всякому богомольцу дадутъ по барану на жертву, котораго онъ забивши роздаетъ нищимъ.

Хотѣлъ единожды Амуратъ шестой вѣдать, сколько тамъ въ Меше (Меккѣ) чрезъ годъ будетъ богомольцовъ, которыхъ онъ высылаетъ, и нащитано больше шести сотъ тысячь, а въ томъ году хлѣбъ вельми былъ дорогъ, и переходъ былъ небезпечно для войны Перское, на которой самъ Цесарь Амуратъ былъ. А отправа или моленіе ихъ тымъ идетъ чиномъ: на перво посѣщаютъ домъ тотъ, въ которомъ стоитъ гробъ, а въ немъ Махометово одно только ребро ле-

житъ, сказуютъ Турки, что тотъ то домъ истинный, въ которомъ Авраамъ Патріархъ хотѣлъ сына своего принести въ жертву Богу по не Исаака, какъ въ Библіи написано, а другаго, что съ Агари родисе, Измаила, и такъ сказуютъ, когда Махометъ родившисе въ Меше, началъ напередъ законъ свой во отечествіи своемъ проповѣдать, тогда Ангели перенесли тотъ домъ съ Іерусалиму, и поставили его на томъ мѣстѣ. А тѣ то богомольцы, посѣщаючи тотъ домъ, входятъ онѣми дверьми, а другими выходятъ, и говорятъ одну короткую свою молитву, которую часто говорятъ, а зовутъ фатеха. И такъ входятъ чрезъ три дни; говорятъ на всякъ день долгую молитву въ полдни, которую говорятъ и по вся пятницы въ Мосхеи великой, которая присовокуплена Мосхеи малой, Махомету освященной. Есть въ той Мосхеи четыре мѣсца, гдѣ должны говорить молитвы, по онѣхъ четырехъ преданіяхъ закона Махометова, о чемъ въ прежней главѣ воспомянуто. А всякъ, вшедши въ божницу, идетъ на своѣ мѣсто, котораго уставу молитвы хочетъ говорить, тамъ на тыхъ мѣсцехъ молитвы отправивши, ищутъ какъ сполькованіе (общеніе) имѣти съ женами того города, имѣючи то себѣ за святость, когда тамъ по себѣ плодъ оставитъ; такожъ, хто бы заѣхалъ тамъ съ женою, имѣлъ то собѣ за щастье, когда бы ему жена тамъ зачала.

Тые три дни празновавши, идутъ въ городъ Мединетъ (Медину) Ельвабу, си есть городъ Махомета Пророка, а тамъ лежитъ тѣло его, въ одной палаткѣ каменной, круглой; а да.тое палатки не машъ ни дверей, ни окошка, желѣзными толстыми плитами накрыта, закопано сказуютъ, на сто саженей въ глыбъ, чтобъ Персы не украли, которые сказываютъ по сколько разъ подкапывались. И того ради тамъ имѣютъ Турки сторожу безперечь въ дни и въ ночи.

Тую палатку обшовши, и молитвы отговоривши, идутъ въ поле, на мѣсто уреченное, и тамъ рѣжутъ бараны, о которыхъ преже воспомянухомъ; на завтрее, за три ча:а до

свѣта, на коняхъ или на велблюдахъ, ѣдутъ на одну гору, чтобъ тамъ на свѣту быть, а хто коня не имѣетъ, садитце за бедра другому, (а тотъ хто его на своемъ конѣ привезетъ, имѣетъ то собѣ за великую благодать, что ближняго своего привезъ поученія слушать, понеже тамъ пѣшему ходить не годитце). Тамъ на горѣ четыре амбоны, оподоль одинъ отъ другаго, у всякаго стоитъ одинъ ихъ Иманъ или попъ, а тѣ голосно говорятъ молитвы; а тѣ то богомольцы, голосножъ имъ другую строку отказуютъ, а продолжитце та молитва часа на четыре, и сказываютъ, что на той горѣ Господь Богъ першихъ родителей нашихъ поставилъ Адама и Евву, и тамъ онѣ каялись за грѣхъ свои, и прощены суть. Того ради вѣруютъ, что и имъ отпущены будутъ грѣхи ихъ, когда тамъ молитце будутъ. И постятце въ тотъ день, и не ядятъ, только въ вечеръ, когда вернутце въ домы своѣ, обаче ядятъ мясо, понеже Турки рыбъ не ѣдятъ никогда, развѣ не будетъ мяса, то уже по неволи ѣстъ рыбу. А когда тѣ то караваны выходятъ въ дорогу, то посылаетъ съ ними Цесарь людей воинскихъ до колько тысячь, чтобъ ихъ въ дорогѣ берегли отъ разбойниковъ Араповъ. Полковникъ тѣхъ то воиновъ, старшыи есть надъ всѣмъ караваномъ, что идетъ въ Каиру, а другіи также надъ другимъ, что идетъ съ Дамашку, а тѣ то богомольцы идутъ съ великою набожностію, безперечь молятце, или по перемѣнамъ поютъ, а старшіи караваны того смотритъ, чтобъ шли рядомъ, не мѣшаючись однѣ зъ другими, досматряетъ и того, чтобъ тѣ, которые подредились съ ними кони или велблюды, весть ради ихъ борошень, чтобъ не поуходили, и чтобъ не безчестили богомольцевъ, которые на вышепомянутой горѣ молившисе, идутъ тотчасъ по домамъ.

ГЛАВА XXIV.

О праздникахъ годовыхъ Махометанскихъ.

Два празника Турки въ годъ празнуютъ, одинъ зовутъ Оръ вебайранъ, спрѣчь великій день съ постомъ, другіи зовутъ Мебахъ байранъ великъ день съ жерткою. Понеже въ то время всякъ хотя нищей, долженъ забить въ жертву скотину какая (ни на есть) и роздать мясо нищымъ инымъ, а богатые бьютъ скота всякаго много; оба тѣ праздника чрезъ три дни празнуются, а первый праздникъ мѣсяца Августа въ жнива, а другой послѣ седмьдесятъ дней. А еще есть празникъ, которой полъ празника зовутъ, или день милостыни за умершихъ, а тотъ празникъ наипаче хранятъ Махометане въ Сиріи, въ Месопотаміи и въ Египтѣ, неже въ Царьградѣ, понеже тамъ въ тѣхъ странахъ, обычае въ тотъ день люди торговые смѣчаютъ и считаютъ, что ему въ годъ учинилось прибыли, а сметя даютъ десятую доль (часть) нищимъ на милостыню за умершихъ. А преже неже тотъ постъ начнутъ, предъ оръ вебайранъ, то недѣлю заговенье чинятъ, и всякъ Баша, которой въ то время въ Царьградѣ будетъ, выѣдетъ въ полѣ съ своими дворовыми на веселое мѣсто при рѣкѣ Хевтаріа. А тамъ всякъ велитъ свое шатры поразбивать, и тѣшитце на коняхъ стрѣляютъ, изъ луковъ по мѣтамъ съ копьями и джадами гонятъ въ мѣту, въ полѣ за звѣремъ ѣдетъ, и тамъ другъ у друга подчюетце; такожде тѣшатце и въ день святаго великомученика Георгія, а зовутъ его своимъ языкомъ Хедыррелесъ, а вельми его почитаютъ, яко славна и храбра воина. А почитаютъ и истинно исповѣдаютъ святыми быть: перво святаго Николая, послѣ святаго Антонія великаго и святаго великомученика Георгія, и молятся имъ, говорячи

своимъ языкомъ собенные молитвы, и иншихъ святыхъ нашихъ, по различныхъ мѣстехъ за святыхъ имѣютъ и почитаютъ.

А самъ Цесарь только Байрами почитаетъ; предъ першимъ Байрамомъ постятъ мѣсяцъ цѣлый, ничего не ядятъ, ни пьютъ цѣлый день, только въ вечеръ, когда звѣзду увидятъ, а встаютъ за два часа и идутъ въ Мосхею молитце, а тамъ бавятце до другаго часа дни; другой разъ съ полдни молитце два часа, третій разъ въ вечеръ молитце полчаса, а увидѣвши звѣзду на небѣ, идутъ ѣсть мяса, наѣвшисе идутъ въ другомъ часу молитце, и молятце часъ, а пришевши въ домы, въ другое ѣдятъ, а за тѣмъ спятъ, вставши часа за два, третій разъ ѣдятъ, хто хочетъ, обаче не мясо, но конфекты и сахары всякіе.

А чрезъ весь тотъ мѣсяцъ Мосхее, которые грамотами Цесарскими утверждены, стоятъ отворены, а въ срединѣ лампадъ много горитъ зажженныхъ, и на вежахъ (минаретахъ) такожъ лампады зажженные, порядкомъ удивленія достойнымъ поставлены, а послѣжде недѣли поста, чрезъ всю ночь садятце всѣ въ Мосхеи и молятся съ прилежаніемъ и великимъ почитаніемъ закона своего, а наипаче въ послѣдніе три ночи. А тамъ часто кротъ приходитъ и самъ Цесарь незначно и обходитъ божницы иныя съ товарищи своими, убравшись чтобъ его нихто не позналъ, и поученіе слушаетъ, и милостыню даетъ за умершихъ, а когда пріидетъ день Байраму, должны всѣ люди на свѣту стать въ Мосхеи, всякъ въ прихоцкой своей на молитву, а начальные тѣхъ Мосхеи начнутъ пѣніе, а временемъ и народъ весь поетъ съ ними, а послѣ попъ ихъ на концѣ будетъ говорить одну молитву долгую (а народъ весь молчитъ), просячи Бога за Цесаря и за всѣхъ Махометановъ, а народъ весь въ то время голосно кликнетъ: аминь, аминь. Еще и другую будетъ молитву говорить долгую, прося Бога, чтобъ

всѣхъ тѣхъ погубилъ, которые вѣры Махометовы не приняли, а народъ голосы крикнетъ: аминь.

А въ Мосхеи, гдѣ самъ Цесарь молитце, продолжаютъ молитвы: на перво вышереченную молитву будетъ говорить Иманъ старшіи тое божницы, послѣ самъ Муфтіи, будто Патріархъ, а оба два будутъ благословить Цесаря, а наконецъ народъ весь благословитъ Цесаря голосно, а онъ чрезъ весь часъ на колѣнахъ стоитъ, просячи Бога, дабы молитвы за его пріятны были въ небѣ; а самъ себя смиряя, недостойнымъ именуетъ такого дара Божія, что его на такъ высокомъ посадилъ престолѣ, чтобъ тѣ, которые около его стоятъ слышали. А Солиманъ и Амуратъ со слезами молились въ то время; а конча молитвы тые, идутъ по домамъ своимъ здравствуючи другъ другу праздника, и подаютъ одинъ другому руку съ радостію. А Цесарь, пріѣхавши въ Шарай, сядетъ на мѣстѣ въ полатѣ долгой, названной Цесарской, а тогда къ нему всѣ Баши и иные начальные пріидутъ по одному, на колѣна припадаючи со смиреніемъ, и цѣлуютъ край шаты одежды его, ничего не говоря, а онъ всякаго хочетъ бутто доткнутце рукою верху главы, обаче не доткнетце, только руку простре, оказуючи милость; а всякъ поклоняся идетъ на сторону, уступаючи другому мѣсто, а будетъ всѣхъ тѣхъ начальныхъ сто человѣкъ слишкомъ. Послѣ встанетъ Цесарь и идетъ въ собенную свою комнату, а тамъ придетъ къ нему муфтей, а Цесарь противъ его встане, и отъидетъ отъ мѣста три степени, и цѣлуетъ руку его, а послѣ обѣ руцѣ свои положитъ на голову Цесаря, даючи ему такое благословеніе: «Махометъ тебя благословитъ, а се то тебѣ проповѣдую». Тогда подаетъ ему мѣшочекъ, а въ немъ три тысячи червонныхъ золотыхъ, а когда выходитъ съ полатъ, Казначей ему даетъ двѣ шаты богатаго злотоглаву, здѣланные на его мѣру, по Царскому приказу.

Послѣ пріиде учитель Цесарскій о д ж і я названный, од-

наче и противъ ему повстане Цесарь, а онъ хоче руку его цѣловать, обаче Цесарь не даетъ ему, только доткнутце ее дастъ, и подаетъ ему въ мешечку полторы тысячи червонныхъ золотыхъ. Идетъ потомъ Цесарь въ палаты женскіе здравствовать празника, тымъ только, которые есть султанами; а онѣ всѣ зберутце въ одну полату, ожидаючи его, а когда входитъ, всѣ ему ниско поклонятце, здравствуютъ празника, а онъ ни единой не откажетъ, а только усмѣхаючись, лице веселое оказуетъ имъ, а послѣ оборотитце къ Арапу, которыи за нимъ несе на мисѣ серебреной всякіе штуки золотые и серебреные съ каменіемъ дорогимъ, всѣ однако подѣланы, и самъ имъ роздаетъ по одной, и по мѣшечку червонныхъ золотыхъ, чтобъ своимъ служебнымъ роздавали. И такъ, въ оба два праздника дѣлаетъ.

И то вѣдать достойна вещь, что Турки въ Царьградѣ имѣютъ обыкность, когда суша бываетъ велика, а дожда земля жаждетъ, а чтобъ небыло скудости хлѣба и голоду, идутъ всѣ на одну гору, которая есть на полѣ за Галатою, и тамъ одинъ лутшій казнодѣй, поученіе говоритъ, по приказу Цесарскомъ. А говоритъ поученіе черезъ три часа не переставая, а за всякою четвертью наказываетъ людемъ, чтобъ исправлялись и переставши грѣшить, плакали и клялись своихъ злыхъ дѣлъ, къ тому, чтобъ обѣщали ити на войну противъ гяуромъ (сирѣчь Христіаномъ, которыхъ невѣрными зовутъ). А самъ той то казнадѣй на колѣна припадетъ, чтобъ народъ на его смотря, также припали на колѣна, и молились усердно, голосно къ Богу вопіюще, просили отпущенія грѣховъ, а чтобъ помиловалъ ихъ, давъ дождь на землю. А послѣ другую молитву говоритъ за Цесаря, чтобъ его Богъ благословилъ, а послѣ речетъ: аминь, и тотчасъ расходятся многіе Мосхеи посѣщать. А такъ дѣлаютъ и во время мору, а по инымъ городамъ, глупое поганство, когда моръ находитъ, тогда ищутъ собакъ, сколько могутъ сыскать, и бьютъ ихъ. И всякъ, кто чѣмъ торгуя (обаче въ Царьградѣ того

нѣтъ) долженъ предъ лавкою своею собаку убитую повѣсить, а дѣлаютъ то и люди богатые, предъ дверьми своими собаки вѣшаютъ, чтобъ Богъ съволствовалъ душею тоя собаки, и на нее гнѣвъ свой обернулъ, а самыхъ здоровыхъ оставилъ жить, понеже онѣ вѣрятъ, что Богъ на тотъ часъ истязываетъ только тысячь душъ, и чтобъ не всѣ были съ Турковъ примѣшиваютъ сколько могутъ душъ собачихъ, только, чтобъ наполнить щетъ душъ, сколько Богъ требуетъ.

И то вѣдать достоитъ, что котовъ не бьютъ, но паче почитаютъ, сказываючи, что Махометъ ихъ любилъ вельми, и много ихъ держалъ, тѣшася съ ними. И того ради во время мору, собакъ вѣшаютъ, а котовъ вельми гораздо кормятъ, и на иныхъ мѣстахъ въ Аравіи, въ Дамашку, въ Іерусалимѣ и въ Каирѣ (древнихъ Египтянъ еще обычаемъ, которые котовъ за Бога почитали) великіе клѣтки полны котовъ держатъ, а умираючи оставляютъ много казны, чтобъ за душу его котовъ кормили. А въ Царство Селима втораго былъ споръ не малой промежъ народомъ, которой самъ Цесарь разсудилъ, что тѣ, которые на то деньги взяли, чтобъ имъ коты кормить, не хотѣли пріимать милостыни отъ людей на прокормленіе котовъ. И постановилъ Цесарь, чтобъ въ Пятки (которые они вмѣсто недѣли празднуютъ) и въ оба празника Байраму, пріимовали милостыню отъ города на прокормъ тѣхъ котовъ, а въ иные дни, чтобъ кормили ихъ съ тѣхъ доходовъ, которые съ денегъ приходятъ, что Цесари и Баши даютъ, а иные по смерти отказуютъ на прокормъ котовъ. Въ Царьградѣ собенныхъ домовъ на коты нѣтъ, однакожъ на многихъ мѣсцахъ, а наипаче въ торгу, подлѣ Мосхеи Султанъ Баязетъ, много всегда людей тыхъ, которые на уголью пекутъ разнаго скота мясо на роженкахъ, а Турки съ побожности расходячись, недопеченое мясо покупаютъ и даютъ тамъ въ торгу котомъ ѣсть, почитаючи то за милостыню.

Обыкность есть у нихъ покупать птицы всякіе въ клѣткахъ, и тотъ часъ пускаютъ вольно, мня, что тымъ Махомету

своему уподобятся, когда на вольность узниковъ такихъ пущаютъ, и то за учинность добродѣтельную почитаютъ, что видя когда, кто скотину свою обременитъ чрезъ мѣру тяжаромъ (тяжестью) какимъ, то того чія то будетъ скотина, или всядятъ въ тюрьму и на самаго тотъ тяжоръ вложатъ; если будетъ на кого судьи донесутъ, то его велитъ изъ города кату (палачу) выгнать, и ноздри ему разрѣзать. А когда лучитце пожаръ въ Царьградѣ, то скоро дадутъ вѣсть Янчаръ агѣ, старшему надъ Янычарами, должность его тотчасъ бечь гасить со всѣми янычары своими, а тѣ вмѣсто гашенья, больше людемъ бѣднымъ покрадутъ, нежели въ огни згоритъ. А въ Царство Амурата четвертаго прилучилось, что за три часа, не много не весь городъ выгорѣлъ, а если бы Цесарь не послалъ своихъ дворовыхъ людей съ Шараю, которыхъ было десять тысячь съ сѣкирами, и скоро обрубили всѣ хоромы, что огонь далѣ не поступилъ, не осѣдѣлъ бы себѣ и самъ Цесарь въ Шараю. Жалѣючи послѣ шкоды людей скудныхъ велѣлъ поотпирати всѣ вороты въ Шараи, чтобъ всѣ входили, и тамъ ихъ чрезъ три дни кормить велѣлъ, и давалъ всякому своею рукою по червонному золотому, а третьяго дня ѣздилъ на пожаръ и спрашивалъ торговыхъ людей, сколько тамъ убытку учинилось. А тѣ ему сказали, чта больши четырехъ милліоновъ червонныхъ золотыхъ убытку, сирѣчь больши четыредесяти разъ по сто тысячь: сожалѣлся вельми и позволилъ всѣмъ дабы кто хочетъ строитце, черезъ три года сѣкли лѣсъ его безъ всякой подати, такожде, чтобъ на погорѣлаго ни хто не билъ челомъ ни о чемъ, ни долгу не искалъ чрезъ три года, а къ тому же много роздалъ кирпича и чрезъ мѣсяцъ весь вольно было по вся дни итти по милостыню всякому, а давано на всякъ день много; такожъ на погорѣльцахъ не велѣлъ брать перевозовъ, ни пошлинъ нигдѣ черезъ три года, и за три года городъ построился лучше, неже предъ пожаромъ былъ.

Съ того всего не трудно познать богатство и можность

и силу того тирана, котораго не ни за что вмѣняя, Бога всемогущаго усердно молить непрестанно должны есмь, дабы его гордость смиривши, народъ Христіанскій братію нашу съ подъ тяжкаго ярма Басурманскаго свободилъ, а Православному Самодержцу нашему далъ мужество, побѣду и одолѣніе на враги Креста Господня. Буди, буди!

ВЫКЛАДЪ СЛОВЪ НѢКОТОРЫХЪ.

Милліонъ,—содержитъ въ себѣ десять кротъ сто тысячь.
Карикъ,—1633 (золотыхъ червонныхъ).
Библіотека,—именуетца книгохранительница.
Цекавзъ,—(цейхгаузъ) или арсеналъ, пушечный дворъ.
Миница,—денежный дворъ.
Минцаръ,—мастеръ или заводчикъ денежный.
Муфтіи,—Патріархъ Турецкій.
Иманъ,—Попъ Турецкій.
Сантонъ,—инокъ Турецкій.
Царьградъ турки зовутъ Стамбулъ, а тожъ Константинополь и Византіумъ.
Мосхея,—божница Турецкая.
Кади,—судья.
Дыванъ,—судовая Полата.
Султанъ,—Цесарь.
Султана,—жена Цесаря.

При владѣніи Цесарей Греческихъ въ Царьградѣ на всякъ день приходило въ казну 24000 червонныхъ золотыхъ.

BX 390 .L46 1881 Item 1 IMS
Zhitie i chudesa Sv.
Nikolaia murlikiiskago i pok
47129219

BX 390 .L46 1881 Item 2 IMS
Skazanie o podvigakhm i
zhizni gviatago blagoviernag
47129220

BX 390 .L46 1881 Item 3 IMS
Khozhdenie v1Ierusalim3 i
TSar gradt chernago deiakona
47129221

BX 390 .L46 1881 Item 4 IMS
Euphymios,
Proskinitarii sviatykhh
miest sviatago grada Ierusal
47129222

BX 390 .L46 1881 Item 5 IMS
Skazanie o svatoi Afonskoi
gorie 47129223

BX 390 .L46 1881 Item 6 IMS
Razskaz. o Sviaogorskikhb
monastyriakhu Arkhimandrita
47129224

BX 390 .L46 1881 Item 7 IMS
Komnenos, Joannes,
Afonskaia Gora i Solovetskii
monastyrh 47129225

BX 390 .L46 1881 Item 8 IMS
Leonid,
Bibliograficheskaia zamietka
o sluzhebnikakhu vilenskoi p
47129226

BX 390 .L46 1881 Item 9 IMS
Leonid,
Evangelie napechatannoe v1
Moskvie, 1564-1568 47129227

BX 390 .L46 1881 Item 10 IMS
Ukladnaia Kniga moskovskago
Novospasskago monastyria
47129228

BX 390 .L46 1881 Item 11 IMS
Krekshin, Petr Nikiforovich,
Rodoslovie vysochaishei
familii 47129229

BX 390 .L46 1881 Item 12 IMS
Starowolski, Szymon,
Dvoro TSesaria Turetskago
47129230

